

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХСІХ.

1895.

І Ю Н Ъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашова и К^о. Наб. Фонтанки, д. 95.

1895.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	37
— Семнадцатое и восемнадцатое приоужденіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія	1
И. Э. Лейкфельдъ. Логическое ученіе объ индукціи въ главнѣйшіе историческіе моменты его разработки	251
В. И. Модестовъ. Древнѣйшій періодъ Рима	292
И. В. Владиміровъ. Введеніе въ исторію русскои словесности (<i>продолженіе</i>)	324
И. Я. Марръ. Периодская національная тенденція въ грузинскомъ романѣ „Амирандареджаніани“	352
О. П. Леонтовичъ. Основный типъ территориально-административнаго состава литовскаго государства и его причины	366
И. А. Кулаковскій. Павелъ Іосифъ Шафарикъ	404

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Д. М. Позднѣвъ. Китай. Очерки географіи, экономическаго состоянія, административнаго и военнаго устройства Средней имперіи и военнаго значенія пограничной съ Россіею полосы. (Съ XVI чертежами). Генеральнаго Штаба полковникъ Д. В. Путьга. С.-Пб. 1895.	448
А. Е. Ирѣсняковъ. Новыя данныя для изученія московскихъ летописныхъ сводовъ	466
— Замѣчаніе редакціи по поводу статьи профессора Позднѣва: „Послѣднія изданія Православнаго Миссіонерскаго Общества на разговорномъ калмыцкомъ языкѣ“	475
— Книжныя новости	476
— Наша учебная литература (разборъ 15 книгъ)	37

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ.

— Императорское общество исторіи и древностей русскіихъ при Московскомъ университетѣ въ 1894 году	57
— П. В. Павловъ (<i>некроль</i>)	75

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

М. Н. Крашенинниковъ. Эпиграфическіе взгляды (<i>продолженіе</i>).	81
И. И. Холодникъ. Эпиграфическія замѣтки	112
А. В. Никитскій. Тлиподемъ Артапатовъ Ликійскій	114

ПАВЕЛЪ ЮСИФЪ ШАФАРИКЪ.

(2-го (18-го) мая 1795 г. — 14-го (26-го) іюня 1861 г.).

По поводу столѣтія со дня его рожденія.

2-го мая исполнилось столѣтіе со дня рожденія одного изъ величайшихъ ученыхъ славянъ и основателей науки о славянахъ Павла Юсифа Шафарика. Время для полной его біографіи и всесторонней оцѣнки его дѣятельности не приспѣло, но вѣкъ, прошедшій со дня его рожденія, налагаетъ, по крайней мѣрѣ, обязанность вспомнить о немъ. Въ наше время, когда столь быстро смѣняются впечатлѣнія, когда всѣ столь жадно хватаются за новыя теоріи, новыя открытія, и самонѣніе съ необычайною легкостью отрицаетъ авторитеты, воспоминанія о подвижникахъ науки, о дѣтеляхъ, полныхъ чистой, идеальной вѣры въ побѣждающую силу истины, могутъ вліять успокоительно и ободрительно. Вся дѣятельность Шафарика прошла у рабочаго стола, заваленнаго книгами, но та область, которую онъ изучалъ, была полна источниками жизни, и запыленные хартіи вѣковъ, которыя онъ освѣщалъ своимъ испытующимъ умомъ, вливали новую жизнь въ славянство во всемъ объемѣ. Шафарикъ былъ другомъ одного изъ важнѣйшихъ русскихъ дѣтелей еще недавней эпохи — Михаила Петровича Погодина—и оказалъ громадное вліяніе на многихъ лучшихъ русскихъ людей своего времени. Его ученики и друзья были первыми славистами въ русскихъ университетахъ. Въ этомъ отношеніи Шафарикъ и его дѣятельность представляютъ особый интересъ для каждаго образованнаго русскаго человѣка, и будущій историкъ русской культуры отведетъ много страницъ Шафарику.

Постараемся дать нашимъ читателямъ краткій очеркъ жизни и дѣятельности Шафарика, нѣкоторыхъ его взглядовъ и отношеній его къ Россіи.

I.

Павелъ Юсіфъ Шафарикъ — или, по чешскому произношенію, Шафаржикъ — родился 2-го (13-го) мая 1795 г. въ области словаковъ, въ деревнѣ Кобеняровѣ (по-мадьярски Feketepatak, по-нѣмецки Schwarzbach), въ стѣлицѣ (уѣздѣ) Гемѣрской, — слѣдовательно по происхожденію былъ словакъ. Его біографъ (Брандль) утверждаетъ, что родъ Шафарика былъ чешскій, и что его предки бѣжали въ Словачину изъ Чехіи послѣ Бѣлогорской битвы (1620 г.), когда въ Чехіи наступило время религіозныхъ гоненій, и не-католики должны были спастись отъ преслѣдованія іезуитовъ. Отецъ его былъ евангелическимъ священникомъ. Павелъ Шафарикъ былъ самымъ младшимъ въ семьѣ своихъ родителей. Въ 1805 г. онъ сталъ посѣщать школу въ Рожнавѣ, городкѣ, близкомъ къ его родному селу, и здѣсь научился по-нѣмецки и по-мадьярски. Съ 1808 г. по 1810 онъ проходилъ studia humaniora въ Добшинѣ, а затѣмъ поступилъ въ евангелическій лицей въ Кежмаркѣ, откуда, послѣ пяти лѣтъ ученія, отправился въ университетъ въ Іену, тогда славившійся профессорами на богословскомъ факультетѣ, такъ какъ по желанію родителей Шафарикъ долженъ былъ готовиться къ духовному званію. Но у Шафарика были другія симпатіи, другія цѣли, и онъ сталъ слушать курсы по исторіи, классической литературѣ и философіи.

Еще въ лицей въ Кежмаркѣ Шафарика сильно коснулось то патріотическо-народное движеніе, которымъ отмѣченъ періодъ возрожденія славянъ. Онъ впослѣдствіи вспоминалъ о „противославянскомъ“ духѣ, господствовавшемъ въ учебныхъ заведеніяхъ въ Венгріи. Онъ уже интересовался языками, литературою, исторіею славянъ. Будучи еще въ лицей, онъ напечаталъ сборникъ стихотвореній: *Tatranská puza s lyon slovausku* (въ Левочѣ, 1814 г.), и посылалъ стихотворенія въ журналъ: *Prvotiny*, который издавалъ въ Вѣнѣ Громадко.

Время, когда Шафарикъ учился въ Іенѣ, было бурнымъ въ жизни нѣмцевъ. Послѣ погромовъ во время Наполеона I нѣмцы яснѣе сознали свое единство, и пангерманизмъ увлекалъ молодежь. Въ 1817 г. произошелъ въ Вартбургѣ извѣстный съѣздъ нѣмецкаго студенчества

въ воспоминаніе о трехсотлѣтіи, прошедшемъ со времени выступления Лютера съ протестомъ противъ католицизма. Это патриотическое нѣмецкое настроеніе не могло не вліять и на молодыхъ славянъ, учившихся тогда въ Іенѣ. Въ ту пору изъ славянъ болѣе другихъ ѣздили учиться въ Іену словаки, готовившіеся къ духовному званію. Вскорѣ послѣ отъѣзда Шафарика прибылъ туда Колларъ. И тотъ, и другой явились впоследствии проповѣдниками славянскаго единства, хотя въ различныхъ отношеніяхъ и различнымъ образомъ, — того ученія, которое нѣмцы называли панславизмомъ, отождествляемымъ и нынѣ у нѣмцевъ и мадьяръ со всякаго рода революціонными, разрушительными ученіями. Если Колларъ былъ поэтомъ единства славянъ, то Шафарикъ положилъ прочныя научныя основы этого ученія и указалъ реальныя права единства славянъ, освѣтивъ давно прошедшее всего славянства и отмѣтивъ стадіи культурнаго развитія отдѣльныхъ племенъ. Въ Іенѣ Шафарикъ познакомился съ духомъ новаго нѣмецкаго романтизма, проникшаго въ область политики и литературы, и съ свободомыслящими взглядами, которые распространялись въ нѣмецкихъ университетахъ послѣ французскихъ войнъ. Уже въ Іенѣ Шафарикъ сталъ серьезно заниматься разысканіями о славянахъ. Въ его бумагахъ найдена связка отъ 1815 г. съ надписью: *Slawische Miscellen* — это выписки изъ нѣкоторыхъ рѣдкихъ славянскихъ изданій, находившихся въ Іенской университетской библиотекѣ, напримѣръ, изъ изданій священнаго писанія — Далматина (1584 г.), катехизиса Истрианина (Тюбингенъ, 1561 г.), пражской чешской псалтыри (1572 г.) и т. д. Въ другой связкѣ съ надписью: Іена, 1816, — выдержки изъ каталоговъ Сеченьевской библиотеки объ изданіяхъ Трубера, Витезовича, Ассемани и др.; списокъ грамматикъ, выписки различныхъ свѣдѣній о русской литературѣ за 1815 — 1816 гг. и т. д. Тамъ же найденъ особый листокъ съ чешскимъ заглавіемъ: *Illirští*, то-есть, иллирскіе писатели, изъ которыхъ многіе и переписаны. Въ особой связкѣ находятся грамматическія замѣтки по различнымъ славянскимъ языкамъ, особенно по польскому языку съ таблицами спряженій и т. п. ¹⁾.

Въ 1817 г. Шафарикъ вернулся въ родные края и сталъ домашнимъ учителемъ въ одномъ богатомъ семействѣ въ Пресбургѣ. Въ

¹⁾ Оsvěta за 1895 г., вып. 5. Интересная статья: P. I. Šafařík mezi Jihozápadnou профессора Вѣнскаго университета Константина Иречка, внука Шафарика по матери.

это время австрійскіе сербы задумали основать на частныя средства свою православную гимназію въ Новомъ Садѣ и искали учителей и директора. Между искавшими этой должности былъ и Шафарикъ, молодой докторъ философіи Іенскаго университета. Выборъ палъ на него, и осенью 1819 г. Шафарикъ переселился въ Новый Садъ, гдѣ надѣялся дѣйствовать въ славянской автономной школѣ, независимой отъ мадьяръ, которые уже въ ту пору начали мадьярить славянъ, не стѣсняясь выборомъ средствъ. Здѣсь Шафарикъ провелъ 14 лѣтъ въ неустанной работѣ, здѣсь началъ онъ свою ученую дѣятельность и приготовилъ свои монументальныя произведенія.

Въ это время Новый Садъ представлялъ своего рода центръ литературной и ученой жизни сербовъ. Въ одномъ изъ фрушкогорскихъ монастырей жилъ Лукіанъ Мушицкій, тогда еще архимандритъ, чловѣкъ просвѣщенный, поэтъ славяно-сербской школы, писатель и ученый, имѣвшій связи со многими выдающимися людьми этой эпохи. Бѣлградъ былъ еще почти турецкимъ городомъ и не могъ еще заявлять никакихъ претензій на значеніе литературнаго центра, и сербская литература и сербское просвѣщеніе находили въ Австріи свое убѣжище, а средоточіемъ былъ Новый Садъ. Здѣсь Шафарикъ могъ хорошо познакомиться съ юго-славянами въ Австріи, а близость Новаго Сада къ предѣламъ тогдашней Турціи и постоянныя сношенія и связи съ славянами, жившими на Балканскомъ полуостровѣ, давали ему возможность получать различныя свѣдѣнія, книги и рукописи изъ-за Дуная. Готовя свои капитальныя произведенія по славянскимъ древностямъ и исторіи славянскихъ литературъ, Шафарикъ принималъ въ то же время живое участіе въ заботахъ сербовъ поднять и развить свою литературу. Онъ побуждалъ молодыхъ сербскихъ дѣятелей и патриотовъ соединиться для общей дѣятельности и успѣлъ заинтересовать въ литературномъ движеніи высшихъ членовъ сербскаго духовенства, подозрительно относившихся къ новизнамъ языка сербской письменности, вводимымъ Вукомъ Караджичемъ. Въ Новомъ Садѣ возникла первая *Матица* изъ всѣхъ нынѣ существующихъ у славянъ обществъ этого имени, и Шафарикъ содѣйствовалъ его учрежденію, а также участвовалъ въ извѣстномъ сербскомъ изданіи: *Лѣтопись*. Уже въ первыхъ выпускахъ этого изданія въ 1825 г. помѣщены нѣкоторыя статьи, правда, безъ его подписи, напри- мѣръ, „Характеръ славянскаго народа вообще“, „Древнѣйшіе славянскіе письменные памятники“ и пр., вошедшія нынѣ въ составъ другихъ сочиненій Шафарика по-нѣмецки и по-чешски. Въ своей пере-

пискѣ съ Колларомъ и другими Шафарикъ часто вспоминаеть о различныхъ сербскихъ писателяхъ, съ которыми онъ находился въ тѣсномъ общеніи. Сербы относились къ нему съ большимъ уваженіемъ и ждали отъ него, что онъ имъ воспитаеть поэтовъ и ученыхъ. Вотъ какъ, на примѣръ, обращается къ Шафарикъ сербскій одписецъ Лукіанъ Мушицкій на своемъ „словено-сербскомъ языкѣ“ въ одѣ „Высокоученому господину Шафарикъ“, написанной въ 1820 г. и напечатанной во 2-мъ выпускѣ „Лѣтописи“ за 1825 г.:

Се Ты великихъ намъ воспитаи пѣвцовъ
Имущихъ двигнут' во гробѣхъ лежащія
Ироя Сербски въ свѣтъ живущихъ.
Пндара, Флакка, Омира види!

Въ это время Шафарикъ задался уже самыми широкими планами и самыми высокими цѣлями. Онъ задумалъ критически разобратъ въ древнѣйшихъ свидѣтельствахъ о славянахъ и освѣтитъ судьбы славянъ въ самый темный, самый древній періодъ ихъ жизни. Но этотъ интересъ къ давно прошедшему не охладилъ въ немъ живаго чувства и интереса къ настоящему, и глубокая любовь къ своему родному угнетенному племени, словакамъ, у Шафарика тѣсно связывалась съ теплою любовью ко всему славянству. „Я готовъ,—писалъ онъ Коллару,—все принести въ жертву на пользу моего дорогаго народа, даже жизнь, ибо лучше прославить свой народъ смертью, чѣмъ его обезславить жизнью,—лишь бы я могъ только найти путь, ведущій къ достиженію цѣли“. Онъ съ горечью взиралъ на паденіе народныхъ силъ въ борьбѣ и съ политическимъ насиліемъ, и съ могуществомъ чужой культуры, но требовалъ мужества и стойкости, вѣря въ побѣду и не боясь славной смерти. „Будемъ же держаться и вести мужественную борьбу,—мы или побѣдимъ, или вмѣстѣ погибнемъ, украсимъ вѣнцомъ или свое чело, или свой гробъ“, писалъ онъ Коллару. Въ первые же годы своего пребыванія въ Новомъ Садѣ Шафарикъ усиленно собиралъ матеріалы для своей исторіи литературы всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Съ отчаяніемъ восклицалъ онъ въ 1823 г., только что оправившись отъ опасной болѣзни: „нервная система разрушена, мои душевныя силы упали, воображеніе и память ослабли,—я разрушенъ въ цвѣтѣ лѣтъ, въ цвѣтѣ мужества своего“, но въ томъ же письмѣ говорить: „болѣе всего сожалѣю, что моя работа, готовая на половину (исторія литературы), совершенно прервана“,—и лишь только оправился—онъ принялся за продолженіе ея. Въ это время Шафарикъ усиленно занимался сербской исто-

рїей, языкомъ и литературой. Въ 1825 г. Шафарикъ писалъ Коллару, что онъ цѣликомъ предался изысканіямъ по исторіи сербскаго народа и литературы. „Неблагодарный это предметъ, но для меня онъ нынѣ самый важный, хотя мое пребываніе здѣсь весьма проблематично. Если я чего либо теперь же не сдѣлаю, будьте увѣрены, что пройдетъ столѣтіе и изъ монаховъ и подчиненнаго монахамъ народа никто и пальца не приложитъ къ этому дѣлу“. Такой отзывъ Шафарика объясняется отчасти отношеніями, существовавшими тогда между представителями сербскаго духовенства, самаго образованнаго класса у сербовъ: такъ, по словамъ Шафарика, была сдѣлана попытка *отравить* архимандрита Лукіана Мушицкаго, одного изъ самыхъ просвѣщенныхъ сербскихъ писателей того времени ¹⁾. При томъ высшія власти усмотрѣли опасность и въ томъ, что Шафарикъ учился въ Германіи и былъ протестантъ, и потому, не смотря на общее уваженіе, которымъ онъ пользовался со стороны высшаго сербскаго духовенства, онъ былъ лишень директорства и остался только учителемъ или „профессоромъ“ гимназій. Это значительно уменьшило его средства; въ это время Шафарикъ былъ уже женатъ: ему труднѣе стало тратить весь свой достатокъ на приобрѣтеніе книгъ и рукописей. Случилось это въ 1825 году.

Выше мы уже упоминали о началѣ литературной дѣятельности Шафарика. По господствовавшему обычаю Шафарикъ началъ свое писательство стихотворными опытами. Затѣмъ онъ собиралъ народныя пѣсни, которыя вошли въ сборникъ словацкихъ пѣсенъ, изданный Колларомъ въ 1823 г., хотя и прикрытый именемъ Шафарика, по мѣстнымъ условіямъ. Въ 1818 г. онъ вмѣстѣ съ Палацкимъ, не безъ участія Юнгманна, издалъ небольшую книгу о чешскомъ стихотворствѣ, особенно о просодіи, вызвавшую большое оживленіе и споры среди тогдашнихъ чешскихъ писателей. Но дѣятельность и значеніе Шафарика, какъ ученаго, опредѣлилась его книгою: *Geschichte der Slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten*, вышедшею въ Будимѣ въ 1826 году. Въ ней впервые былъ сдѣланъ обзоръ всѣхъ славянскихъ народностей. Заглавіе этой книги въ сущности уже ея содержанія, ибо въ этомъ сочиненіи впервые было сдѣлано обзорнѣе прошедшаго славянъ въ различныхъ отношеніяхъ. Если самъ Шафарикъ впоследствии считалъ этотъ свой трудъ неполнымъ и требующимъ передѣлки, почему отсовѣтовалъ Погдину изданіе

¹⁾ *Часописъ Чешскаго Музея*, 1874, стр. 289.

его въ русскомъ переводѣ, то все же онъ представляетъ контуръ всего того, что впоследствии было имъ разработано столь капитально: тутъ въ сущности есть начало и „Древностей“, и „Народописа“, и его многочисленныхъ изслѣдованій по исторіи церковно-славянскаго языка, славянскихъ нарѣчій и ихъ литературы. Книга начинается введеніемъ, въ которомъ даны краткія свѣдѣнія о мѣстожителствѣ и судьбахъ древнихъ славянъ, объ ихъ религіи, культурѣ и языкѣ, о современномъ положеніи славянъ и ихъ развѣтвленіи, краткія свѣдѣнія объ ихъ географическомъ распредѣленіи, статистическія данныя и т. д. Нарѣчія и ихъ литературы рассматриваются въ такомъ порядкѣ: церковно-славянскій языкъ, русскій, языкъ и литература „славо-сербовъ греческаго исповѣданія“, то-есть, православныхъ сербовъ, языкъ и письменность „католическихъ славо-сербовъ (далматинцевъ, боснійцевъ, славонцевъ и хорватовъ)“, языкъ словенскій, чешскій, словацкій, польскій, лужицкій. При этомъ примѣчанія и ссылки свидѣтельствовали о громадной начитанности молодого ученаго. Если вспомнить, какъ было трудно въ ту пору литературное общеніе между славянами, съ какимъ трудомъ добывались книги, особенно въ такихъ глухихъ углахъ, какъ Новый Садъ (изъ Россіи книги получались иногда *черезъ юдъ* послѣ ихъ выписки), какъ недостаточны были средства Шафарика, то современный ученый долженъ съ удивленіемъ и глубокимъ уваженіемъ преклониться предъ громадностью этого труда молодого еще Шафарика (ему было тогда лишь 30 лѣтъ). Тутъ впервые славяне были разсмотрѣны, какъ нѣчто цѣлое, раздѣленное на виды, болѣе или менѣе близкіе между собою и представлявшіе нѣкоторое единство. Шафарикъ при этомъ имѣлъ живыя патріотическія цѣли. Не разъ онъ отмѣчаетъ ненависть и презрѣніе, съ какимъ относились къ славянамъ нѣмцы и мадьяры, и приводитъ нѣсколько характерныхъ выписокъ изъ извѣстныхъ тогда книгъ и сочиненій, въ которыхъ разказываются разныя нелѣпости или проявляется удивительная ненависть ко всему славянскому, какъ, напримѣръ: фрейбургскій профессоръ Роттекъ въ своей всеобщей исторіи называлъ русскій языкъ—языкомъ рабовъ, путешественникъ Таубе утверждалъ, что славонцы—многоженцы и что дѣти ихъ бѣгаютъ зимою нагими, Дугоничъ приравнивалъ русскихъ къ цыганамъ, проф. Пёлицъ въ Лейпцигѣ проповѣдывалъ, что славяне предназначены къ тому, чтобы быть рабами нѣмцевъ и т. д. Если и въ настоящее время нѣмецкая и мадьярская литература по временамъ украшается такими перлами, какъ недавно вышедшая брошюра Гег-

mania triumphans, то все же и въ Германіи, и въ Австріи этимъ антиславянскимъ и антирусскимъ плодамъ извращенной фантазіи теперь не можетъ уже придаваться серьезнаго значенія. Иначе было въ началѣ этого вѣка... Одною изъ причинъ, почему свое сочиненіе Шафарикъ напечаталъ по-нѣмецки, было его желаніе разсѣять предубѣжденіе противъ славянъ среди нѣмцевъ и познакомить ихъ съ прошлымъ и настоящимъ славянъ.

Въ Новомъ Садѣ Шафарикъ собралъ чрезвычайно много матеріаловъ для своихъ работъ по юго-славянскимъ нарѣчіямъ и литературамъ, а также подготовилъ все нужное для своихъ знаменитыхъ славянскихъ древностей. Въ эту пору своей жизни Шафарикъ выработалъ широкій взглядъ на славянъ, тогда-то было положено основаніе его глубокимъ познаніямъ, которыя впоследствии дали ему возможность создать эпоху въ славянской наукѣ. Тогда же начались его связи и знакомство съ русскими учеными, перешедшія впоследствии въ тѣсныя узы дружбы со многими выдающимися русскими людьми.

Напечатанная доннынѣ переписка Шафарика, относящаяся ко времени его пребыванія въ Новомъ Садѣ, особенно его письма къ Коллару, свидѣтельствуютъ о глубокомъ и живомъ интересѣ Шафарика ко всему, что касается славянства. Побужденія его къ ученымъ разысканіямъ 'о древнихъ славянахъ были патріотическо-славянскія. Онъ хотѣлъ показать, что славяне—такіе же древніе обитатели Европы, какъ и другія племена Европы, и что потому они имѣютъ тѣ же права быть самими собою и не остаться матеріаломъ, годнымъ лишь для умноженія чуждыхъ имъ народностей.

Занимаясь древностями, исторіей и географіей славянъ, Шафарикъ заинтересовался книгою Суroveцкаго: *Sledzenie poczätku narodów słowiańskich*, вышедшею въ 1824 г. Задавшись сначала цѣлью только пополнить и критически разобрать этотъ трудъ польскаго ученаго, на основаніи собраннаго имъ матеріала, Шафарикъ написалъ важное изслѣдованіе, предвѣщавшее его „Древности“. Это изслѣдованіе вышло въ Будѣ въ 1828 г. подъ заглавіемъ: *Ueber die Abkunft der Slawen nach Lorenz Surowiecki*. Въ это время онъ писалъ Коллару: „я разсматриваю нашъ народъ съ высшей точки зрѣнія (чѣмъ Суroveцкій); его древность, его многочисленность, его прадавность въ Европѣ для меня уже болѣе не загадка,—я во всемъ этомъ теперь убѣжденъ почти съ математическою точностью“. Въ своемъ изслѣдованіи Шафарикъ приходилъ къ выводу, что славяне такіе же

первобытные обитатели Европы, какъ и германцы, кельты и скифы. Первоначальное ихъ имя было *сербы*, а у другихъ народовъ они слыли подъ именами: анты, венеты, веныды, сарматы. Такимъ образомъ сарматовъ Шафарикъ считалъ тогда славянами. Впоследствии, въ своихъ „Древностяхъ“, Шафарикъ видоизмѣнилъ свой взглядъ на сарматовъ, отдѣливъ ихъ отъ славянъ. Трудъ Шафарика, вызванный разборомъ сочиненія Суровецкаго, такимъ образомъ является предшественникомъ главнаго и важнѣйшаго его произведенія—„Славянскія Древности“.

Живя въ Новомъ Садѣ, Шафарикъ велъ обширную переписку со многими извѣстными тогдашними славянскими писателями и различными дѣятелями. Нѣкоторыя изъ этихъ его писемъ уже напечатаны, какъ, напримѣръ, часть переписки съ Колларомъ, Палацкимъ, Миклоушичемъ, Кристіановичемъ, Мацѣевскимъ, Гамульякомъ и другими. Слѣдуетъ ожидать, что вся найденная переписка, а равно и нѣкоторые матеріалы, оставшіеся послѣ Шафарика, вскорѣ появятся въ печати. Внуку Шафарика по матери, извѣстный ученый Константинъ Иречекъ, нынѣ профессоръ Вѣнскаго университета, бывшій нѣсколько лѣтъ въ Болгаріи министромъ народнаго просвѣщенія, пока принцъ Баттенбергскій еще не свернулъ съ прямой дороги, конечно посодѣйствуетъ этому и постарается разъяснить то, что теперь могло бы представляться неяснымъ въ отношеніяхъ Шафарика и въ генезисѣ многихъ его ученыхъ взглядовъ.

Въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ положеніе Шафарика въ Новомъ Садѣ стало на столько тяжелымъ, что онъ рѣшилъ во что бы то ни стало выбраться оттуда. Какъ увидимъ, надежды его на переселеніе въ Россію разбились, и онъ рѣшилъ перебраться въ Прагу, надѣясь на какое нибудь бѣдное частное мѣсто,—на общественное или казенное мѣсто онъ и рассчитывать не могъ, ибо онъ былъ евангеликъ, а протестантамъ такихъ мѣстъ въ Чехіи не давали. „Не боюсь и не отказываюсь ни отъ какого труда, писалъ онъ Палацкому въ 1832 г., лишь бы только быть полезнымъ народу. Я не ищу ни чиновнаго мѣста, ни титуловъ, ни богатства, да какъ евангеликъ въ католической Прагѣ и получить ихъ не могу. О! если бы я могъ найти въ Прагѣ честный заработокъ для того, чтобы только просуществовать и работать для славянскихъ литературъ“. Шафарикъ мечталъ о частномъ мѣстѣ секретаря, бібліотекаря, архиваріуса и т. п. въ домѣ какого либо богатаго чешскаго аристократа, что предоставило бы ему возможность работать надъ своими изысканіями и участвовать въ

чешскихъ ученыхъ изданіяхъ. „Будеть позоръ нашему народу“, писалъ онъ Палацкому, „если я погибну съ своею семьею у этихъ *незнаболовъ* (язычниковъ!), или продамъ душу нѣмцамъ“, такъ какъ онъ рѣшился, во что-бы то ни стало, оставить Новый Садъ и мѣсто учителя гимназіи, дававшее ему все же возможность существовать независимо, хотя и очень скудно. Предъ выѣздомъ изъ Новаго Сада въ Прагу Шафарикъ писалъ Мацѣевскому, извѣстному польскому ученому: „Потерявъ всякія симпатіи къ здѣшнему своему мѣсту, я потерялъ также надежду быть когда либо полезнымъ сербамъ. Разказывать объ этомъ было бы долго, теперь—не время. Поселюсь въ Прагѣ, какъ частный ученый (съ небольшой поддержкою изъ небольшого частнаго фонда). Этотъ послѣдній шагъ хочу испробовать прежде, чѣмъ продамъ свою бѣдную душу нѣмецкому Михелю и вѣроятно переѣду въ какой либо нѣмецкій университетъ. Скверно, мой дорогой другъ, даже отчаянно съ нашимъ славянскимъ дѣломъ. Слѣпой фанатикъ, я посвятилъ 16 лѣтъ этому дѣлу и при этомъ уничтожилъ самъ себя. Если бы я не имѣлъ семейства, дѣтей,—я бы этого и теперь не жалѣлъ, а то меня одолеваетъ страхъ... Пріѣхалъ я къ сербамъ 14 лѣтъ тому назадъ, желая у нихъ работать въ пользу народной культуры, а ухожу съ сознаниемъ напраснаго труда. Причина того, почему будучи приглашенъ въ Петербургъ, я туда не отправился,—болѣзненность слабой грудью моей жены, а послѣ явились и другія препятствія“.

Ясно, что не только ученые задачи, но и другія какія то причины побуждали Шафарика немедленно перебраться изъ Новаго Сада. Гимназія тамъ падала по различнымъ причинамъ, и число учениковъ уменьшалось. Эти причины неясны и потому — нужно надѣяться — различныя юбилейныя изданія, предпринимаемыя нынѣ сербами въ Новомъ Садѣ въ память Шафарика, разъяснятъ ихъ.

Въ Прагѣ живо сознавали необходимость поддержать Шафарика въ это трудное для него время и спасти его для славянской науки и чешской литературы. При участіи и, быть можетъ, благодаря инициативѣ Палацкаго, составилъ въ Прагѣ кружокъ патриотовъ, которые обязались обезпечить Шафарика въ теченіе пяти лѣтъ небольшую ренту (сначала въ 360 гулд. въ годъ, а затѣмъ въ 480 гульд.). Членами этого кружка были: князь Рудольфъ Кинскій, графъ Каспаръ Штернбергъ, графъ Янъ Краковскій Коловратъ, Юнгманъ, Палацкій, Пресль, Антоній Марекъ, Винаржицкій, Штепанекъ. Кружокъ этотъ составилъ тайно отъ Шафарика, и ему были неиз-

вѣстны имена лицъ, принимавшихъ участіе въ складчинѣ, которая выдавалась ему ежемѣсячно чрезъ посредство чешской Матицы. Чтобы не возбудить подозрѣній администраціи объ этой тайной помощи Шафарику было сообщено самими членами кружка властямъ въ Прагѣ. Юнгманъ, говоря о помощи Шафарику, писалъ Марку: „Жизнь наша пройдетъ, какъ сонъ, но то, что мы сдѣлали для отечества, то останется какъ народное приобрѣтеніе“. И дѣйствительно, участники этого кружка, поддержавшіе Шафарика въ трудную пору его жизни, сослужили громадную службу не только чехамъ, но и всему славянству. Какъ ни незначительна была эта помощь, все же она дала Шафарику возможность продолжать свои ученые работы. Интересно отмѣтить, что участники кружка довели до свѣдѣнія Шафарика, что ихъ пособіе дается съ однимъ условіемъ, чтобы онъ писалъ и печаталъ по-чешски. Какъ патріотична и умна забота о подъемѣ значенія чешскаго языка!

II.

Переѣздъ въ Прагу не далъ, однако, надлежащаго спокойствія Шафарику, да и не могъ дать. Съ одной стороны матеріальная поддержка, оказанная ему патріотами, не могла его вполне обезпечить и освободить отъ житейскихъ заботъ, мѣшавшихъ ему вполне отдаться продолженію его изысканій по славянскимъ древностямъ; съ другой—самый переѣздъ его въ Прагу на трудъ и въ тяжелую матеріальную обстановку изъ Новаго Сада, гдѣ онъ имѣлъ опредѣленное служебное положеніе и опредѣленные средства, казался подозрительнымъ пражской полиціи. Разказывается нѣсколько анекдотовъ, какъ къ Шафарику подсылались шпионы и полицейскіе агенты, иногда совершенно безцеремонно врывавшіеся къ нему въ его бѣдную квартиру. Былъ случай, когда Шафарикъ, выведенный изъ терпѣнія, обратился съ жалобой къ властямъ на этихъ непрошенныхъ гостей. Одинъ изъ біографовъ Шафарика, Брандль, объясняетъ эту бдительность меттерниховской полиціи относительно Шафарика интригами Копитаря. Хотя прямыхъ указаній и доказательствъ для такого обвиненія ученаго бібліотекаря Вѣнской придворной бібліотеки нѣтъ, но самое подозрѣніе весьма характерно. Хотя Шафарикъ и Копитаръ были знакомы и вели между собою по временамъ переписку, но ихъ отношенія были неискренни, и Шафарикъ уже въ своихъ письмахъ изъ Новаго Сада къ Коллару съ опаскою выражается о Копитарѣ. Па-

ладкій, имѣвшій въ послѣдствіи большое столкновеніе съ Копитаромъ, разказывалъ, что его предупреждали остерегаться Копитара, такъ какъ Копитаръ выражался о немъ: „этотъ Палацкій стоить висѣлицы“, а о Шафарикѣ:—„это самый опасный панславистскій агитаторъ“¹⁾. Между тѣмъ Шафарикъ, проѣзжая чрезъ Вѣну по пути изъ Новаго Сада въ Прагу, посѣтилъ Копитара и съ нимъ откровенно говорилъ о „славянской взаимности“. Изъ переписки Копитара съ хорвато-кавказскимъ писателемъ Кристиановичемъ и изъ отзывовъ въ послѣсловіяхъ къ изданіямъ, которыя Копитаръ дѣлалъ во второй половинѣ 30-хъ годовъ, видно, сколь подозрительно относился онъ къ Шафарикѣ за то, что онъ не католикъ. Онъ обвинялъ Шафарика и за его дружескія связи съ русскими.

Но эти непріятности разнаго рода не умалили энергіи Шафарика, и въ 1836—1837 гг. онъ напечаталъ свои замѣчательныя „Славянскія Древности“. „Что это за книга, пойметъ всякій, кто съ нею познакомится хотя сколько нибудь“, писалъ Срезневскій въ 1843 г. въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. „Ее можно перевести, передѣлать, но не замѣнить. Каждый фактъ проверенъ въ ней по нѣскольку разъ, каждый выводъ требовалъ перебора и сравненія множества свидѣтельствъ“. Мы не можемъ здѣсь входить въ оцѣнку и разсмотрѣніе этого капитальнаго труда. Изслѣдованіе древнѣйшаго, доисторическаго періода жизни славянъ, сопряженное съ необычайными трудностями, особенно въ это время, было сдѣлано Шафарикомъ въ высшей степени обстоятельно. Жизнь славянъ тутъ освѣщена до 1000 года. Въ этихъ двухъ томахъ „Славянскихъ Древностей“ Шафарикъ провелъ и обосновалъ мысль, что славяне—такіе же древніе обитатели въ Европѣ, какъ и другія племена, ее населяющія. Тутъ впервые подвергнуты надлежащей критикѣ источники древнѣйшей исторіи славянъ и темныя страницы славянскаго прошедшаго получили нѣкоторое освѣщеніе. Если наука нашего времени, обогащенная многочисленными работами въ этой области, теперь во многомъ поправила бы отдѣльныя части „Древностей“, то все же книга Шафарика представляла первый и единственный ученый трудъ, охватившій все славянство древнѣйшаго періода, какъ единое цѣлое. Шафарикъ хотѣлъ было дать къ „Древностямъ“ историко-географическія карты, но не успѣлъ. Если „Славянскія Древности“ охватывали все славянство при началѣ его жизни и знако-

¹⁾ Brandl. Životopis Šafarika, стр. 26.

мили съ древнѣйшимъ періодомъ, то „Славянская Народопись“, изданная Шафарикомъ въ 1842 г., давала важнѣйшія свѣдѣнія о современномъ славянствѣ. Въ „Народописи“ сообщались краткія свѣдѣнія по исторіи, языку и литературѣ каждой славянской народности, опредѣлялись территория, предѣлы, численность и т. д. При этомъ изданіи была приложена первая этнографическая карта славянъ. Какъ эта книга, такъ и карта возбудили въ свое время обвиненія Шафарика въ панславизмъ, этомъ пугалѣ нѣмцевъ и мадьяръ. Обѣ эти книги были переведены на русскій языкъ профессоромъ московскаго университета Бодянскимъ („Древности“ 1838 г., испр. изд. 1848 г., „Народопись“ въ 1843 г.).

Но въ какомъ положеніи, въ какой обстановкѣ работалъ Шафарикъ надъ этими своими сочиненіями! Свидѣтелемъ-очевидцемъ этого времени жизни Шафарика былъ О. М. Бодянский, начавшій свое путешествіе по славянскимъ странамъ съ Праги, куда онъ прибылъ въ концѣ 1837 г. Вотъ что онъ писалъ въ Москву Погодину въ началѣ 1838 г.: „Шафарикъ страдаетъ ревматизмомъ до того, что не всегда даже можетъ брать перо въ руки... Такой дѣятельности, неутомимости, твердости и любви къ своему предмету, такого терпѣнія и борьбы съ своей, слишкомъ къ нему неблагодарной судьбой, я еще нигдѣ не встрѣчалъ...“ Впослѣдствіи Бодянский убѣдилъ Шафарика съѣздить вмѣстѣ съ нимъ и на его счетъ въ Карлсбадъ и Теплицъ полѣчиться отъ ревматизма. Въ Москвѣ нашлись отзывчивые люди, которые чрезъ Погодина прислали небольшую сумму въ помощь Шафарикѣ. Вопросъ тутъ шелъ просто о возможной для обитанія квартирѣ. „Теперь на дняхъ Шафарикъ переѣхалъ на новую квартиру, — сообщаетъ Бодянский Погодину въ апрѣлѣ 1838 г., — „помѣщеніе несравненно лучшее и удобнѣйшее прежняго, по крайней мѣрѣ есть гдѣ расположиться съ книгами...“

Въ маѣ 1838 г. Шафарикъ сталъ редакторомъ „Часописи чешскаго музея“ послѣ Палацкаго, отказавшагося отъ этой должности. Эта должность дала ему небольшую прибавку къ содержанію (120 гульд.), но вмѣстѣ съ тѣмъ налагала большія обязанности и доставляла не мало хлопотъ. Въ 1838 г. онъ писалъ Погодину, что для успѣха задуманныхъ имъ изслѣдованій онъ хотѣлъ бы съ 1839 г. отказаться отъ редактированія „Часописи“.

Нѣкоторое пособіе его матеріальному положенію оказало временное его назначеніе цензоромъ чешскихъ изданій беллетристическаго характера. Эта должность давала ему 400 гульд. Цензоромъ былъ

Шафарикъ съ 1837 г. въ теченіе десяти лѣтъ. Но ему приходилось тратить много времени на чтеніе всевозможныхъ, часто вполнѣ ничтожныхъ пустяковъ, не смотря на то, что тутъ оказывала ему большую помощь его жена. Какъ цензоръ, онъ старался всячески ограждать чешскую книгу отъ разныхъ стѣсненій, но за то принужденъ былъ выносить много неприятностей, вслѣдствіе доносовъ и полицейскихъ притѣсненій. Въ 1841 г. онъ сдѣлалъ было попытку сбросить съ себя эту тяготу цензурства, но это ему не удалось. Лишь въ 1847 г., послѣ одной большой неприятности изъ-за описанія путешествія по Галиціи Зота, имъ пропущеннаго, вызвавшаго какой то доносъ изъ Галиціи, хотя въ немъ ничего предосудительнаго не было, ему удалось освободиться отъ должности цензора.

Упомянемъ здѣсь еще объ одномъ предпріятіи Шафарика. Вскорѣ послѣ переѣзда въ Прагу, онъ сталъ редакторомъ еженедѣльнаго чешскаго иллюстрированнаго журнала Světozor. Этотъ журналъ выходитъ въ 1834 и 1836 годахъ, и задача его была знакомить въ легкихъ очеркахъ и иллюстраціяхъ со славянами. Въ письмахъ къ своимъ юго-славянскимъ корреспондентамъ Шафарикъ упоминаетъ объ этомъ журналѣ, при чемъ выражалъ желаніе, чтобъ и на славянскомъ югѣ возникли подобныя иллюстраціи. Этотъ журналъ однако скорѣ прекратился по винѣ издателей.

Въ 1841 г. Шафарика приглашало прусское правительство выработать положеніе для славянскихъ кафедръ въ университетахъ Бреслава и Берлина и предлагало ему кафедру. Онъ ѣздилъ тогда въ Берлинъ и выработалъ планъ, опредѣлилъ задачи новой кафедры, но отъ самой кафедры отказался. Когда стало извѣстно въ Вѣнѣ о такомъ приглашеніи Шафарика, Меттернихъ, тогда всемогущій, рѣшилъ позаботиться о томъ, чтобы Шафарикъ остался въ Австріи. Какъ протестанту, ему не хотѣли однако дать самостоятельной должности и предложили быть кустосомъ пражской библіотеки. Не способный по своей природѣ относиться спустя рукава къ своимъ обязанностямъ, Шафарикъ ревностно отдался этой должности, давшей ему нѣкоторое болѣе прочное, хотя и малое, обезпеченіе.

Но какъ редакторство „Часописа“, такъ, тѣмъ болѣе, цензорскія обязанности и мелочныя хлопоты по должности кустоса библіотеки отнимали у него много времени, и его біографы приписываютъ этому обстоятельству то, что онъ отказался отъ исполненія своего намѣренія написать второй томъ „Славянскихъ Древностей“, въ который должно было войти изслѣдованіе о нравахъ, религіи, обычаяхъ и т. д. славянъ.

Среди славянъ авторитетъ Шафарика тогда былъ весьма великъ. Выраженіе: „такъ думаетъ Шафарикъ“ имѣло достаточно силы, чтобы заставитьъ противника замолчать. Когда на славянскомъ юго-западѣ среди хорватовъ началось иллирское литературное движеніе, оно искало поддержки у Шафарика. Его одобрителный отзывъ о Гаѣ и его дѣятельности (въ газетѣ *Ost und West* за 1838 г.) былъ перепечатанъ въ Хорватіи и дѣйствительно помогъ „Иллирамъ“.

Въ Новомъ Садѣ Шафарикъ усиленно занимался церковно-славянскимъ языкомъ и его памятниками, древнею литературою сербовъ и болгаръ и вообще южныхъ и юго-западныхъ славянъ, собиралъ рукописи и старопечатныя книги, дѣлалъ копии открытыхъ имъ или видѣнныхъ памятниковъ, выписки изъ нихъ и т. д. ¹⁾ „*Serbische Leseköbner*“ трудъ, вышедшій въ 1833 г., свидѣтельствовалъ о глубокихъ свѣдѣніяхъ Шафарика въ старой сербской и славянской письменности. Всѣмъ, кто занимался хоть сколько-нибудь старо-славянскимъ языкомъ и литературою или вообще югославянами, хорошо извѣстны: „Памятники письменности югославянъ“, „Памятники глаголической письменности“, „Исторія юго-славянскихъ литературъ“, изданная въ пополненномъ видѣ послѣ его смерти, многочисленныя его статьи, вышедшія по-чешски и по-нѣмецки. Статьи и труды Шафарика по вопросу о древности кириллицы и глаголицы, его взгляды на происхожденіе и судьбы этихъ азбукъ имѣютъ значеніе и понынѣ.

Въ области изслѣдованій старо-чешской литературы сдѣлалъ Шафарикъ тоже весьма много. Его первый томъ *Vybor'a* съ грамматикою старо-чешскаго языка, различныя его статьи, изслѣдованія и открытія памятниковъ старо-чешскихъ составляютъ эпоху въ исторіи чешской науки. Онъ признавалъ подлинность Зеленогорской рукописи и другихъ древне-чешскихъ „открытій“, хотя замѣчалъ, что пользованіе глоссами въ извѣстномъ сборникѣ *Mater Verborum* Вацерада требуетъ особенной осторожности.

Въ то время, какъ въ русскихъ университетахъ, въ Москвѣ, Петербургѣ, такъ и въ нѣмецкомъ — Берлинскомъ уже были учреждены кафедры славянскихъ нарѣчій, въ Австріи, въ которой, по мнѣнію Копитара, должно сосредоточиться изученіе славянъ и которая должна была бы отнять пальму первенства у Россіи въ этомъ

¹⁾ Описаніе рукописей Шафариковской бібліотеки, находящейся нынѣ въ бібліотекѣ чешскаго музея, сдѣлано М. Сперанскимъ и напечатано въ *Чтеніяхъ* Московскаго Общества Исторіи и Древностей за 1894 годъ.

отношеніи, противъ чего возражалъ въ свое время Добровскій, такой кафедръ не существовало въ университетахъ. Шафарикъ постоянно твердилъ о необходимости ея учрежденія, преимущественно въ Прагѣ. Въ 1845 г., по предложенію эрцгерцога Стефана, управлявшаго въ то время Чехіей, Шафарикъ составилъ записку по этому вопросу. Палацкій, служившій посредникомъ между эрцгерцогомъ и Шафарикомъ, передавая эту записку, приложилъ свои замѣчанія, въ которыхъ говоритъ, что эта кафедра въ Пражскомъ университетѣ можетъ преуспѣвать лишь въ томъ случаѣ, когда на нее будетъ назначенъ Шафарикъ. „Необходимо снѣшиться съ ея учрежденіемъ“,—писалъ онъ далѣе,—„тѣмъ болѣе, что этотъ необычайный мужъ, по крайней мѣрѣ физически, не безсмертенъ, и что вмѣстѣ съ нимъ похороненъ былъ бы неисчерпаемый кладъ знаній, который долго нельзя было бы ничѣмъ вознаградить, если бы не постарались, чтобы еще при его жизни другіе получили изъ него питаніе. Знаніе—сила и не можетъ быть безразличнымъ для нашего государства, увеличивается или падаетъ его сила въ нашихъ предѣлахъ, особенно въ виду сѣвернаго сосѣда, въ рукахъ котораго она не была бы незамѣтнымъ или неважнымъ моментомъ. При томъ министръ Уваровъ нѣсколько разъ дѣлалъ нашему Шафарику блестящія предложенія, желая его приобрести для Россіи, и предлагалъ ему самому опредѣлять условія, обѣщая напередъ на все согласиться. Какія предложенія ему дѣлались изъ Пруссіи“, (Шафарика въ 1841 г. приглашали въ Берлинъ и при его участіи былъ выработанъ планъ учрежденія славянской кафедръ въ Берлинскомъ университетѣ, но отъ занятія ея Шафарикъ отказался)—„извѣстно въ самыхъ высшихъ мѣстахъ. Что только будетъ сдѣлано въ пользу Шафарика, будетъ разсматриваться въ славянскихъ странахъ сдѣланнымъ въ пользу славянскихъ народовъ Австріи, ибо нинѣ пѣтъ ни одного образованнаго славянина, который относился бы равнодушно къ имени и положенію Шафарика“. Палацкій, какъ извѣстно, былъ защитникомъ федеративнаго устройства Австріи и мечталъ о „славянской Австріи“. Онъ, подобно Копитару, справедливо видѣлъ въ наукѣ о славянахъ великое политическое орудіе и желалъ дать это орудіе въ руки Австріи...

Въ бурномъ 1848 г. въ Вѣнѣ, наконецъ, было рѣшено учрежденіе кафедръ славянскихъ нарѣчій въ Пражскомъ университетѣ, но кафедра эта не была включена въ бюджетъ университета,—она такъ сказать только допускалась. Читаніе лекцій по этой кафедрѣ началъ было Шафарикъ, но въ началѣ 1849 г. отказался отъ ихъ продол-

женія, ибо еще въ 1848 г. онъ былъ назначенъ бібліотекаремъ университетской бібліотеки въ Прагѣ, что давало ему уже болѣе обеспеченное положеніе и улучшало матеріальныя условія его быта. Въ это время Шафарику было 53 года, и совмѣщеніе обѣихъ должностей—бібліотекаря и профессора было ему уже не подъ силу. Новую кафедру занялъ Челяковский, переѣхавшій въ Прагу изъ Бреслава.

Къ этому послѣднему десятилѣтію его жизни относятся всѣ его важнѣйшія изслѣдованія по вопросу о глаголицѣ.

Богатая собранія старочешскихъ рукописей въ университетской бібліотекѣ давали ему возможность глубже войти въ эту тогда новую область славистики; нѣкоторыя изъ его работъ по этому отдѣлу вышли въ „Часописи“ послѣ его смерти.

Вообще въ 1848 г. на Шафарика было обращено болѣе вниманіе. Его пригласили въ Вѣну для участія въ комиссіи по предполагаемымъ реформамъ въ учебномъ дѣлѣ. Свои мнѣнія по вопросу о роли славянскихъ языковъ въ школахъ Шафарикъ свелъ въ статьѣ: „Объ уравненіи правъ чешскаго и нѣмецкаго языковъ“, помѣщенной въ „Часописи“ въ 1848 г. Предлагали Шафарику даже мѣсто члена совѣта при министрѣ просвѣщенія, но онъ, не желая отказаться отъ своей роли стоящаго внѣ политической борьбы ученаго и не вѣря въ прочность тогдашнихъ порядковъ въ Австріи, не принялъ этой должности. Извѣстно, что и Палацкому предлагали было портфель министра просвѣщенія, но радовались, когда онъ его не принялъ. Къ этому же времени относится тотъ единственный случай, когда Шафарикъ выступилъ какъ будто бы на политическое поле, будучи избранъ предсѣдателемъ чешско-словацкаго отдѣла въ славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ въ 1848 г., и произнесъ замѣчательную рѣчь къ собравшимъ представителямъ славянъ.

Житейская борьба, трудность условій, въ которыхъ пришлось Шафарику неустанно работать, чрезвычайный, непомерный трудъ, недостатокъ средствъ, склонность къ болѣзнямъ—сильно надорвали Шафарика, лишь подъ конецъ жизни получившаго должность, болѣе или менѣе обеспечивавшую его существованіе. У Шафарика стали по временамъ появляться припадки нервнаго разстройства, переходившаго въ душевную болѣзнь. Шафарикъ сталъ подозрѣвать и бояться новыхъ преслѣдованій со стороны полиціи и шпіонства,—поэтому сжегъ нисѣма, которыя онъ получалъ въ теченіе ряда лѣтъ отъ многихъ извѣстныхъ ученыхъ и дѣятелей. Вотъ почему донынѣ не появляется писемъ къ нему Погодина, Гримма, Копитара и др.;

быть можетъ, что-либо найдется въ неразобранныхъ до недавняго времени бумагахъ Шафарика, хранящихся въ архивѣ Чешскаго музея. Во время одного изъ такихъ припадковъ, 11 (23) мая 1860 г., Шафарикъ незамѣтно вышелъ изъ дому и съ одного изъ мостовъ бросился въ Велтаву, но его спасли. Его биографъ Брандль рассказываетъ, что тогда въ полной мѣрѣ обнаружилась популярность и громадная ученая извѣстность Шафарика, которою онъ пользовался, самъ того не подозревая. „Его квартира была въ настоящей осадѣ, каждый хотѣлъ узнать, поправляется ли *гордость славянства* и тысячи вопросовъ приходили по телеграфу и по почтѣ не только изъ Чехіи и Австріи, но и изъ далекихъ славянскихъ земель, будетъ ли спасенъ князь государства науки, не имѣющей никакихъ границъ“. Послѣ этого случая Шафарикъ вышелъ въ отставку осенью 1860 г. и ему было оставлено его содержаніе въ пенсію. Прошло однако не долго послѣ этого случая, и Шафарикъ заболѣлъ и умеръ 14(26) іюня 1861 г. По характерному выраженію профессора А. А. Кочубинскаго въ его полной интереса книгѣ: „Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія“ (Одесса. 1888) „тогда исполнилось старое желаніе Шафарика соединиться съ русскими“. Какъ протестанта, Шафарика похоронили не на католическомъ кладбищѣ, а подъ „Шишковою горою“, по близости отъ могилъ русскихъ воиновъ, павшихъ нѣкогда подъ Кульмомъ. На памятникѣ надъ могилою Шафарика высѣчено начало славянской надписи, когда-то имъ открытой на покровѣ на мощахъ сербскаго князя Лазаря въ Вердникѣ, одномъ изъ фрушкогорскихъ монастырей: „Въ краснихъ міра сего воспиталъ се еси отъ юности своее“.

Шафарикъ былъ не только великій ученый, но и великій борецъ за живую идею воскрешенія славянъ и ихъ значеніе въ Европѣ. Онъ первый соединилъ въ изученіи все славянство, рассматривая его какъ цѣльный, единый организмъ. Если нѣкоторые современные ученые стараются обвинить его въ романтизмъ взгляда на славянъ, то этотъ романтизмъ эпохи не мѣшалъ ни ясности его воззрѣній, ни глубокой и строгой его критикѣ, ни его высокой ученой добросовѣстности. Для своего высокаго призванія онъ забывалъ обо всемъ и подвергалъ себя самымъ тяжелымъ испытаніямъ, нерѣдко терзаясь за свою семью, которую онъ горячо любилъ,—лишь бы исполнить взятый имъ на себя добровольно тяжелый крестъ служенія славянской наукѣ. Искреннею, глубокою любовью и къ предмету изслѣдованія, и къ славянству, какъ племени, и къ каждой славянской народности проникнуть вся-

кій трудъ Шафарика, каждое письмо его переписки. Нѣчто примиряющее съ жизнью, нѣчто чистое, доброе слышится въ каждой строкѣ, вышедшей изъ-подъ пера этого великаго славянина.

Не только религія, но и наука имѣеть своихъ мучениковъ“, пишетъ Брандль: „и тамъ и тутъ ведется борьба съ трудностями жизни и судьбы, и тутъ и тамъ жертвуютъ жизнью, зная, что хотя тѣло погибнетъ, духъ побѣдитъ вмѣстѣ съ идеаломъ, которому отдается жизнь. Такимъ мученикомъ былъ Шафарикъ; его тѣло пало въ жертву знанію, но духъ его будетъ жить безсмертно въ славянской наукѣ, которую онъ поднялъ на высокую степень совершенства“.

Эти слова почтеннаго біографа Шафарика совершенно справедливы.

III.

Рѣшительно всѣ современники и современныя свидѣтельства представляютъ Шафарика человекомъ въ высшей степени симпатичнымъ. Стоить только перелистать письма Бодянскаго къ Погодину, изданныя покойнымъ профессоромъ Ниломъ Поповымъ въ 1879 году, чтобы убѣдиться, какое глубокое впечатлѣніе производилъ Шафарикъ на имѣвшихъ съ нимъ общеніе и какія искреннія симпатіи и довѣріе вызывалъ. Поставивъ себѣ съ ранней юности высокія цѣли служенія славянству въ наукѣ, Шафарикъ остался вѣренъ имъ во всю свою жизнь, не смотря на всѣ ея трудности. Въ то же время онъ былъ патриотъ своей народности, но будучи словакомъ по происхожденію и симпатіямъ, онъ отождествлялъ интересы своей народности съ интересами чеховъ. Когда ему предстоялъ переездъ изъ Новаго Сада, онъ стремился въ Прагу, и только отчаяніе могло бы заставить его принять мѣсто „доцента въ какомъ нибудь нѣмецкомъ университетѣ“, какъ писалъ онъ друзьямъ. Для Россіи онъ былъ готовъ одно время сдѣлать исключеніе, но по различнымъ причинамъ переездъ его къ намъ не состоялся. Онъ вообще рѣшительно отказывался отъ всѣхъ случаевъ, представлявшихъ ему возможность улучшить свое матеріальное положеніе, если только эти случаи требовали перерыва или отвлеченія отъ поставленныхъ имъ себѣ задачъ. Такъ, онъ не принялъ приглашенія на славянскую кафедру въ Москву въ 1836 году и въ Берлинъ—въ 1841 году, а также—должности члена совѣта министерства просвѣщенія въ Вѣнѣ въ 1848 году. Шафарикъ былъ изъ числа тѣхъ, которые могутъ цѣликомъ, безповоротно, разъ на всегда опредѣлить всѣ свои симпатіи и, никогда не уклоняясь, идти къ сво-

имъ высокимъ цѣлямъ, мужественно преодолевая всѣ препятствія. какъ бы дорого имъ ни обходилась эта побѣда преградъ, воздвигаемыхъ практикою жизни на ихъ пути.

Профессоръ Пражскаго университета Масарикъ въ недавно имъ изданной интересной книжечкѣ по исторіи чешской культуры (*Ceška otázka—Чешскій вопросъ*, 1895 г.) опредѣляетъ Шафарика, какъ строгаго, истиннаго гуманиста. Въ подъемѣ значенія славянъ и ихъ развитіи онъ видѣлъ ступень въ развитіи всего человѣчества и цивилизаціи. Нельзя объяснить случайностью, по совершенно вѣрному замѣчанію профессора Масарика, то обстоятельство, что первые и величайшіе вожди новаго литературнаго движенія чешскаго были потомки „чешскихъ братьевъ“ и ихъ протестантскихъ послѣдователей: Колларъ, Шафарикъ, Палацкій. Католическій священникъ Добровскій, истинный отецъ этого движенія, былъ по происхожденію мораванинъ и принадлежалъ къ числу свободомыслящихъ. Въ противоположность сильному въ своемъ консерватизмѣ католицизму Добровскій, Колларъ, Шафарикъ, Палацкій были защитниками свободы мысли и возвышенныхъ традицій чешскаго реформаціоннаго движенія. Они прямо провозглашали „братскіе“ идеалы гуманности. Въ своей „Исторіи славянскаго языка и литературы“ Шафарикъ представляетъ славянина по природѣ и всей своей сущности истиннымъ гражданиномъ міра, всегда отстаивавшимъ свою свободу и свои права; отъ свободы любящихъ миръ славянъ и отъ прогресса ихъ литературъ онъ ожидаетъ осуществленія идеи чистаго гуманизма. Вотъ какъ выражается тамъ Шафарикъ (стр. 63): „Пріятное чувство овладѣваетъ каждымъ патриотически чувствующимъ человѣкомъ при взглядѣ на новѣйшую эпоху національной культуры славянъ. Нельзя не признать, что воодушевленная дѣятельность въ пользу столь святаго и прекраснаго дѣла, которое пробуждаетъ если не массу той или другой народности, то по крайней мѣрѣ выдающихся ея членовъ къ бодрой жизни, принесетъ послѣ мрачнаго утра солнечный день хотя храброму, но миролюбивому народу,—народу, во всей жизни котораго раздается столь много созвучій юношески поэтической Греціи, и что нужно еще только стать на ту степень эстетической и ученой культуры, на которой нѣкогда стояли греки, чтобы приблизиться къ нимъ и въ осуществленіи идей чистаго гуманизма“ (in der Realisirung der Idee eines reines Menschenthums). Но существуетъ и большое различіе въ положеніи славянъ и грековъ. „Какъ несходны обстоятельства грековъ и славянъ, образующія духовную жизнь!“ восклицаетъ Шафарикъ.

„Каждое изъ греческихъ племенъ хотѣ и писало на своемъ нарѣчїи, какъ славяне, но всѣ племена употребляли одинъ и тотъ же алфавитъ. одну и ту же орфографію! А славяне?“

Въ этомъ вопросѣ объ азбукахъ, Шафарикъ отдавалъ предпочтеніе кириллицѣ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Коллару въ 1826 году, Шафарикъ замѣчаетъ по поводу чешской азбуки съ диакритическими значками, противъ чего сильно вооружался Копитаръ: „рядомъ съ чешскимъ я считаю кирилловскій алфавитъ самымъ совершеннымъ, а если бы при немъ были введены значки, опредѣляющіе качество (то-есть, диакритическіе знаки), онъ былъ бы выше чешскаго. Болѣе мудрые чужеземцы знаютъ цѣну кирилловскаго алфавита и признаютъ; мы же ее понижаемъ. Гротенфельдъ и другіе говорятъ, что никогда въ мірѣ не было алфавита столь соотвѣтственно принаровленнаго къ звукамъ слова. Онъ совѣтуетъ, чтобы онъ былъ принятъ всѣми филологами, какъ всеобщій для всѣхъ языковъ міра,—а мы, свои, забрасываемъ эту азбуку, умаляемъ ея значеніе. Святые Кириллъ и Меодій—или тѣ, кто были изобрѣтателями и усовершенствователями этой азбуки, простите намъ нашъ грѣхъ! Быть можетъ, только чужеземщина затуманила нашъ взглядъ, только чужой голосъ звучитъ и отзывается въ этомъ нашемъ отношеніи“... Извѣстно, что Шафарикъ изслѣдовалъ судьбы кирилловской и глаголической письменности и обоихъ славянскихъ алфавитовъ.

Вся ученая дѣятельность Шафарика согрѣвалась глубокою любовью къ предмету своихъ изысканій, къ славянству. Онъ любитъ каждую изъ славянскихъ народностей и свою собственную въ особенностяхъ. „Я готовъ положить даже свою жизнь за свой народъ“, писалъ онъ Коллару въ 1821 году, и въ его устахъ это не было фразой. Но въ то же время онъ былъ противникомъ созданія особой словацкой литературы на какомъ либо изъ словацкихъ нарѣчій. Онъ даже опасался, чтобы изданіе словацкихъ народныхъ пѣсенъ не побудило „слѣпыхъ подражателей считать это лозунгомъ, что должно писать такъ, какъ говорить народъ“. Онъ поэтому не совсѣмъ одобрительно относился къ поспѣшности преобразования сербскаго литературнаго языка Вукомъ Караджичемъ. Языкъ литературы долженъ имѣть болѣе многочисленную народность, чѣмъ словацкая, по его мнѣнію. Даже чешскій языкъ онъ считаетъ слишкомъ малымъ для высшихъ цѣлей литературы. Нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ своихъ изслѣдованій Шафарикъ писалъ и печаталъ по-нѣмецки, имѣя въ виду службу общеевропейскому просвѣщенію и справедливо замѣчая, что

кругъ его чешскихъ читателей былъ слишкомъ малъ. Свое мнѣніе о томъ, что словаки должны держаться общаго съ чехами литературнаго языка, Шафарикъ выразилъ и въ своей статьѣ, помѣщенной въ сборникъ: *Hlas o pottebě jednoty spisovného jazyka pro Čechy, Moravanu a Slovaky* (1846 г. Голосъ о необходимости единства литературнаго языка для чеховъ, мораванъ и словаковъ), изданномъ въ ту пору, когда словаки уже рѣшительно выдѣлились изъ чешской литературы. Онъ опасался, что этотъ переворотъ у словаковъ, произведенный Гурбаномъ и Штуромъ, можетъ не только навсегда отдѣлить ихъ отъ чеховъ и мораванъ, но и вполне оторвать „настоящее и будущее словаковъ въ умственномъ и литературномъ отношеніяхъ отъ ихъ прошедшаго“.

Какъ ученый языковѣдъ, Шафарикъ хорошо понималъ невозможность создать какой либо искусственный языкъ и потому рѣзко высказывался противъ всякаго рода затѣй выработать какой либо *новый* языкъ, какъ общій для всѣхъ славянъ, а такія попытки дѣлались въ ту пору иными мечтателями; точно также рѣшительно онъ высказывался противъ всякихъ неоправданныхъ ничѣмъ измышлений въ алфавитѣ, до которыхъ былъ такой охотникъ Копитаръ. Шафарикъ желалъ созданія всеславянской грамматики, но такой только, въ которой были бы въ одномъ обзорѣ соединены формы всѣхъ славянскихъ нарѣчій. По его мнѣнію, такая грамматика свидѣтельствовала бы о дѣйствительномъ пробужденіи народнаго самосознанія у славянъ. „Вѣкъ нашего славянства подобенъ вѣку александрійскихъ грамматикъ, монаховъ, схоластиковъ средняго вѣка и т. д.“, писалъ онъ въ 1826 году. „*Народная жизнь* у насъ или совершенно извращена, или вовсе не существуетъ,—иначе не могли бы возникнуть разные нелѣпные домыслы (въ орфографіи). Боже мой! если бы у насъ была хоть искра народной жизни, не написалъ ли бы уже давно тотъ или другой славянскій филологъ *общую грамматику всеславянскую*, то-есть, соединилъ бы грамматики всѣхъ десяти славянскихъ нарѣчій по одной системѣ, чтобы при помощи одной книги мы могли бы научиться легко всѣмъ нарѣчіямъ. Сдѣлать это было бы легко при существованіи столькихъ грамматикъ, но мы не любимъ реальности, дѣйствительности, жизни,—легче ловить воздухъ“... Но какъ рѣшить вопросъ объ единствѣ азбуки и литературы у славянъ? Шафарикъ въ томъ же письмѣ Коллару говоритъ: „Если хотимъ помочь народности, мы должны идти къ народу и его языку, какъ онъ существуетъ, а не обращаться къ мечтаніямъ. Вѣкъ Кирилловъ и Меео-

дѣвъ уже миноваль... Какое славянское нарѣчіе и какая славянская азбука станутъ всеславянскими, рѣшить уже не *перо*, а только *мечъ*, потоки крови пророкутъ очертанія буквъ: тамъ, гдѣ ихъ потечеть больше всего, тамъ возникнутъ общеславянскій языкъ и алфавитъ⁶.

При такомъ реальномъ взглядѣ на славянъ Шафарикъ интересовался дѣйствительнымъ ихъ положеніемъ, а дѣйствительность представляла разнообразіе славянскихъ діалектовъ. Въ письмахъ къ Коллару онъ съ радостью сообщаетъ, что „въ Турціи больше славянскихъ племенъ (kměni), чѣмъ снилось Вуку (Караджичу) и Копитару“, чтъ онъ „разыскалъ въ Македоніи два діалекта, которые рознятся другъ отъ друга по крайней мѣрѣ настолькоъ, какъ чешскій и русскій“ и т. п.

Какъ же должно и можетъ произойти взаимное сближеніе славянъ, раздѣленныхъ на столь много народностей и нарѣчій и разъединенныхъ между собою территоріально и своимъ историческимъ прошлымъ по мнѣнію Шафарика? Это сближеніе можетъ произвести взаимное ознакомленіе и просвѣщеніе. „Пока сербъ, пишетъ Шафарикъ, полагасть, что турокъ болѣе близкій ему пріятель, чѣмъ чехъ, полякъ или словенець, пока чехъ, славонець и т. д. расхваливаетъ нѣмца и считаетъ его братомъ, а презираетъ серба, болгарина и т. д. пренебрегаетъ ими или уклоняется отъ нихъ, какъ отъ турка или какого либо дикаря, до той поры нельзя и думать о всеславянской азбукѣ. *Natura non paritur saltum*“. Чтобы славяне могли исправить свои отношенія, нужно говорить имъ правду въ глаза. „Я не желаю, чтобы мы другъ другу лгали и ласкали сами себя неправдою“, писалъ Шафарикъ Коллару, когда чехи были недовольны тѣмъ, что онъ въ своей „Исторіи славянскаго языка и литературы“ не призналъ за чешскимъ языкомъ первенства въ благозвучіи.

Славянамъ прежде всего нужно просвѣщеніе; нужно національное славянское воспитаніе и національная школа. „Въ Сербіи когда нибудь будетъ лучше, будутъ со временемъ и школы, но когда? Это рѣшить только мечъ!“ писалъ Шафарикъ въ 20-хъ годахъ Коллару. Просвѣщеніе должно имѣть славянскій характеръ. Когда Кеппенъ заговорилъ объ учрежденіи славянскихъ кафедръ въ Россіи, Шафарикъ, сообщая Коллару о томъ, что въ Россіи вырабатывается новый планъ *educationis publicae*, радуется, что по извѣстіямъ Кеппена возьметъ верхъ въ школахъ славянщина⁶.

Когда въ 1848 году въ Австріи готовились къ преобразованію школъ, Шафарикъ, участвовавшій въ засѣданіяхъ комиссіи въ Вѣнѣ,

явился, конечно, защитникомъ введенія чешскаго языка въ преподаваніе въ школахъ Чехіи. При этомъ однако онъ ставилъ однимъ изъ главныхъ условій новой постановки школьнаго дѣла, чтобы „общественное воспитаніе или школьное обученіе было поставлено въ Чехіи такъ, чтобы ни чехъ, ни нѣмецъ не отчуждался отъ своей народности“. По его мнѣнію, чехи и нѣмцы въ Чехіи должны получать знаніе обоихъ языковъ на сколько это нужно для ихъ практическихъ специальностей. Въ своей запискѣ (Часопись, 1848 года, вып. II). онъ высказываетъ замѣчательныя сужденія о значеніи народнаго языка. „Языкъ не есть только самое важное и самое необходимое орудіе духа: языкъ есть самый духъ въ своемъ величайшемъ воплощеніи, въ своемъ чистѣйшемъ проявленіи. Духъ не создаетъ языка, образуется въ языкѣ и съ языкомъ; единеніе ихъ, какъ тѣла и души, въ глубочайшихъ своихъ основаніяхъ непостижимо... Но вмѣстѣ съ тѣмъ языкъ есть сознаніе народа, есть чарующая мощная связь, которая связываетъ дитя съ матерью, брата съ братомъ, семейство съ семействомъ и всѣхъ соединяетъ въ одинъ народъ, то есть, въ человѣческое общество, имѣющее силу и возможность вести въ духовномъ общеніи жизнь самостоятельную, опредѣленную и великую. Только согласно привычкою въ рѣчи и правахъ возрастаетъ между людьми прочное общеніе, которое составляетъ основаніе всякой культуры; только въ воплощеніи духа народнаго живетъ духъ человѣческой. Человѣческое можетъ быть достигнуто единственно чрезъ посредство народнаго. Подражаніемъ чужому и проникновеніемъ чужаго народнаго духа въ нашъ народъ мы уничтожаемъ свой народный духъ и дѣлаемъ свой народъ рабомъ другаго народа. Въ этомъ смыслѣ родной языкъ и народность не есть высшая цѣль нашего существованія, но они—прирожденное и непремѣнное средство къ достиженію высшихъ и святѣйшихъ цѣлей жизни, духовнаго и нравственнаго совершенствованія. Исторія всѣхъ народовъ и временъ самымъ убѣдительнымъ образомъ доказываетъ, что угнетеніе народнаго языка, успѣшно проведенное насильственно или помощью отступничества, всегда имѣло своимъ послѣдствіемъ униженіе народнаго достоинства, ослабленіе духа и порчу нравовъ. Посмотрите только на выродившихся въ народномъ отношеніи горожанъ или дворянъ, воспитанныхъ на чужихъ языкахъ и въ чужихъ нравахъ, какъ они слабы въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, какъ они неспособны вознестись къ высшимъ идеальнымъ цѣлямъ жизни, если мы сравнимъ ихъ съ сельскимъ населеніемъ, твердо сохранившимъ

отцовскую рѣчь и нравы, тамъ, гдѣ оно духовно созрѣло и (народно) пробуждено! Это мечь за уклоненіе отъ природы!" Такъ писалъ Шафарикъ, защищая права чешскаго языка быть языкомъ школъ и преподаванія. Но этою защитою народности Шафарикъ не отрицалъ важности знанія чужихъ языковъ и замѣчалъ, что это знаніе необходимо, какъ средство образованія и просвѣщенія.

Но при такомъ взглядѣ на значеніе народнаго языка мыслима ли возможность достигнуть когда либо единаго общаго литературнаго языка для славянъ. Шафарикъ прежде всего былъ строгій ученый и не любилъ „ловить воздухъ“, по его выраженію: всюду онъ искалъ дѣйствительности и правды жизни. Въ первыхъ десятилѣтіяхъ нашего вѣка многіе чешскіе патріоты считали близкимъ время не только политическаго объединенія славянъ, но и культурнаго, которое должно было выразиться принятіемъ одного языка для всей славянской письменности. Юнгманъ, Челяковскій, Антонинъ Марекъ были лучшими, самыми благородными представителями этихъ ожиданій. Антонинъ Марекъ въ одномъ изъ своихъ несохранившихся писемъ къ Шафарику излагалъ свой планъ всеславянства. Шафарикъ, отвѣчая ему въ 1850 году, писалъ: „съ принципами, изложенными въ письмѣ (Марка) и въ томъ, что касается общаго языка въ теоріи и идеяхъ я вполне согласенъ, хотя съ практической точки зрѣнія предвижу, что если не все, то по крайней мѣрѣ многое для насъ и для нашего вѣка останется *plum desiderium*. Пока насъ не объединитъ внѣшняя сила и пока Богъ не дастъ въ единомъ цѣломъ новой духовной жизни, до той поры будутъ тщетны старанія отдѣльныхъ ученыхъ возмѣстить недостатокъ политической жизни или единымъ правописаніемъ, или единымъ письменнымъ языкомъ,—мы разлетимся въ разныя стороны и впоследствии еще болѣе, чѣмъ теперь. Но оставимъ это Провидѣнію“.

Выше было уже упомянуто о томъ случаѣ, когда Шафарикъ выступилъ было какъ политическій дѣятель во время перваго съѣзда славянъ, происходившаго въ Прагѣ въ 1848 году. Сначала онъ былъ избранъ предсѣдателемъ съѣзда, но онъ отказался отъ этой чести: его замѣнилъ Палацкій, а онъ сталъ предсѣдателемъ чешско-словацкаго отдѣла. При открытіи засѣданій съѣзда 3-го іюня (новаго стиля) Шафарикъ произнесъ рѣчь, произведшую громадное впечатлѣніе на собравшихся со всѣхъ сторонъ австрійскихъ славянъ, жившихъ въ то время самыми радужными надеждами. Шафарикъ поддался общему возбужденію и настроенію съѣхавшихся впервые различныхъ славянъ и въ его рѣчи

вылились его мечты объ освобожденіи славянъ отъ матеріальной и нравственной зависимости, ему самому казалось, что близко то время, когда наступитъ торжество нравственной правды для славянъ. Вотъ эта рѣчь—in extenso: „что насъ здѣсь собрало? Движеніе народовъ трехъ племенъ, движеніе, какого не было въ исторіи человѣчества. отъ котораго земля дрожить и потрясается, отъ котораго бѣгутъ могущественные исполины, правительство штыковъ и шпионовъ падаетъ ницъ, народъ требуетъ наслѣдства, Богомъ ему переданнаго, это движеніе тронуло и насъ и собрало насъ здѣсь. Правительство штыковъ и шпионовъ впредь положительно невозможно... Народы овладѣли своими вѣчными правами. Они собираются и совѣщаются о себѣ и о насъ, о своей и нашей будущности, совѣщаются на Майнѣ во Франкфуртѣ и на Дунаѣ—въ Буда-Пештѣ: дома и внѣ нашей имперіи. Когда другіе народы совѣщаются о насъ и опредѣляютъ наше будущее,—посоветуемся и мы сами о себѣ и о своемъ будущемъ! Навѣрное, мы сами знаемъ лучше, чѣмъ другіе, себя и наши нужды, желанія, цѣли. Какой же приговоръ произносятъ о насъ другіе народы, наши сосѣди—нѣмцы, мадьяры и итальянцы? Признаемъ и не скроемъ, какъ бы горекъ онъ не былъ. Ихъ приговоръ такой, что мы неспособны къ полной свободѣ, что мы неспособны къ высшей политической жизни только потому, что мы—славяне. „Славянинъ“ такъ гласитъ ихъ судъ, „отъ природы осужденъ на рабство, на подданство другимъ избраннымъ, болѣе даровитымъ и благороднымъ народамъ“. Кто же тѣ, которые такъ судятъ о насъ? Это тѣ, которые до сихъ поръ надъ нами держали желѣзную руку и отчасти еще держать; тѣ, которые стригли волну нашихъ овецъ, которые тучили мозгомъ нашихъ костей; тѣ, которые пытались потомъ и мозолями нашихъ крестьянъ; тѣ, за которыхъ воевали и кровь свою проливали наши братья, сыны нашихъ дорогихъ матерей; тѣ, которые называютъ себя образователями и защитниками нашими, которые насъ лишаютъ славянской народности и которыхъ мы, стало быть, называемъ притѣснителями нашими, убійцами нашихъ душъ. Братья! тѣ, кто о насъ такъ судитъ, это—наши враги и притѣснители; ихъ свидѣтельство пристрастно и потому криво. Ихъ приговоръ противорѣчитъ самому себѣ, какъ всякая ложь. Если мы не хотимъ такого образованія, какъ они говорятъ, то-есть, если не хотимъ онѣмечиться, омадьяриться, обитальяниться, то насъ ругаютъ дикарями, варварами и рабами. Если же мы хотимъ образованія, то-есть, вполнѣ ославяниться и быть славянами, какъ намъ велитъ голосъ совѣсти,

чтобы доказать, что мы, какъ славяне, способны къ свободѣ и высшей политической жизни,—то они честятъ насъ измѣнниками отечества и преступниками, врагами ихъ свободы. И такъ, дѣлай и говори, что угодно,—они всегда терзаютъ и мучатъ раскаленными клещами невинную нашу совѣсть, они всегда клеймятъ раскаленнымъ желѣзомъ наше чистое чело. Это положеніе дѣлъ не должно продолжаться. Жребій народовъ брошенъ; наступила и для насъ рѣшительная пора раньше, чѣмъ мы надѣялись. Невинность передъ совѣстью и Богомъ—ничего не значить передъ судомъ міра сего, передъ судомъ народовъ. Либо очистимся на дѣлѣ и докажемъ, что мы способны къ свободѣ, либо преобразимся быстро въ нѣмцевъ, мадьяръ и итальянцевъ, чтобы для другихъ народовъ не быть дольше въ тягость и обиду, чтобы не перенести нашего позора и нашего униженія на нашихъ сыновъ. Или достигнемъ того, чтобы съ гордостью сказать передъ народами: „я славянинъ“, или перестанемъ быть славянами. Моральная смерть—это наихудшая смерть, а моральная жизнь—наивысшая жизнь. Поэтому, мы раньше, чѣмъ сдать на милость другимъ народамъ, заглянемъ поглубже внутрь нашихъ душъ, посмотримъ, какая въ нихъ моральная сила, попытаемся, сможемъ-ли мы доказать имъ, что мы умѣемъ владѣть и посохомъ свободы, такъ какъ они насъ обвиняютъ, что мы до сихъ поръ были только молотомъ и орудіемъ рабства. Если въ насъ будетъ моральная сила, если проникнется одною мыслью, одною волею тѣло нашего народа, то народы цѣлой земли не устоятъ передъ ней. Ибо все, что подъ солнцемъ и надъ солнцемъ, превосходить моральная сила. Хотеть и можетъ-ли нашъ славянскій народъ стать всей своею силою за свои права, добыть ихъ себѣ, на основаніи справедливости къ себѣ и другимъ народамъ, вотъ что составляетъ великую, святую задачу нашихъ соотчужданій! Изъ рабства нѣтъ дороги къ свободѣ безъ борьбы: либо побѣда и свободная національность, либо почетная смерть и по смерти слава!¹⁾

Извѣстно, какъ печально окончился этотъ первый съѣздъ славянъ, къ которому успѣли примазаться и нѣсколько такихъ людей, какъ Бакунинъ и Либельтъ. Возникшіе въ Прагѣ революціонные безпорядки не дозволили съѣзду продолжаться, и его дѣятельность, какъ

¹⁾ За неимѣніемъ подъ руками чешскаго подлиннаго текста рѣчи Шафарика пользуемся переводомъ ея въ статьѣ покойнаго проф. Первольфа: „Австріійскіе Славяне въ 1848—1849 годахъ“ (*Вѣстникъ Европы*, 1879, т. II, стр. 503 и сл.).

извѣстно, не привела ни къ какому результату, развѣ только то, что свидѣлись и познакомились видные дѣятели, писатели и патриоты различныхъ славянскихъ народностей. „Тенденція и дѣятельность конгресса были вполнѣ лояльны, и послѣдній заслуживалъ лучшей участи“, писалъ Шафарикъ Погодину, предостерегая его не давать вѣры сообщеніямъ нѣмецкихъ газетъ о событіяхъ въ Прагѣ 12—17-го іюня. „Движеніе было не народное, а чисто политическаго характера: это было возмущеніе, въ которомъ принимали участіе нѣмцы и чехи. Славянской конгрессъ, какъ таковой, не имѣлъ никакого отношенія къ нему. Только послѣ катастрофы вся вина была искусственно завалена на чеховъ. То, что нѣмецкія газеты измышляли и измышляютъ противъ чеховъ—безстыдная ложь. Раньше или позже все разъяснится, какъ происходили событія въ Прагѣ“.

Это былъ единственный случай, когда Шафарикъ явился участникомъ и дѣятелемъ въ общеславянскомъ движеніи политическаго характера. Его прекрасная рѣчь, въ которой онъ призывалъ славянъ взвѣсить свои *моральныя* силы, даетъ въ сущности программу и для теперешней дѣятельности славянъ, разъединяемыхъ раздорами и потому нерѣдко, противъ воли и даже безсознательно, являющихся орудіемъ въ рукахъ своихъ собственныхъ враговъ...

IV.

Для насъ русскихъ особенно интересны взгляды Шафарика на Россію и его связи и отношенія съ русскими людьми. Извѣстный и отчасти опубликованный уже матеріалъ даетъ нѣкоторое право судить о нихъ, но нужно ожидать, что скоро появится значительно болѣе свидѣтельствъ объ отношеніяхъ Шафарика и русскихъ ученыхъ и дѣятелей. Въ томъ культурномъ нашемъ движеніи, которое выразилось въ славянофильствѣ и направило нашу умственную работу на національный путь, въ нѣкоторомъ отношеніи принималъ участіе и Шафарикъ. Его вліяніе сказалось чрезъ посредство многихъ русскихъ дѣятелей въ наукѣ, журналистикѣ и политикѣ того времени и особенно сильно отразилось въ Москвѣ. Его связи съ Погодинымъ, продолжавшіяся со времени перваго ихъ знакомства до конца его жизни, въ высшей степени интересны и важны. Въ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ съ Шафарикомъ познакомились Бодянский, Срезневскій, Григоровичъ, Прейсъ—первые русскіе слависты профессора, Кеппель, Надеждинъ, Петръ Кирѣевскій, Иванишевъ, Касторскій, Максимо-

вичъ, Грановскій, Соловьевъ и многіе другіе. Ознакомленіе со славянами становилось столь популярно у насъ, что молодые ученые даже другіихъ специальностей нѣсколько занимались славянскими нарѣчіями.

Такъ Бодянскій въ письмѣ къ Погодину въ 1838 году упоминаетъ о пріѣздѣ въ Прагу вполнѣдствіи извѣстнаго московскаго профессора-юриста Лешкова и Лукьяновича-классика, которые желали „позаняться чешскимъ и сербскимъ языками“ въ Вѣнѣ.

Связи Шафарика съ Погодинымъ были столь близки и сердечны, что Шафарикъ въ предисловіи къ „Славянскимъ Древностямъ“ вспоминаетъ о Погодинѣ: „И тебя благодарю, любезнѣйшій М. П. Погодинъ, который видѣвши, во время своего пребыванія у насъ, въ августѣ 1835 года, это сочиненіе еще неоконченнымъ, оцѣнилъ его душой истиннаго славянина и не переставалъ съ тѣхъ поръ помогать мнѣ всѣми мѣрами къ обогащенію и скорѣйшему изданію его. Не разъ казалось мнѣ, при сочиненіи этого творенія, что я какъ будто для однихъ васъ (то-есть, Погодина и Палацкаго) писалъ его, что одни только вы, читая его, можете сочувствовать и понимать меня: а потому мнѣ весьма пріятно было бы, если бы прежде всего ваши глаза съ радостью и любовью остановились на немъ, теперь уже приведенномъ къ концу“. Дѣйствительно, Погодинъ принималъ самое живое участіе не только въ трудахъ Шафарика, но и въ его трудномъ положеніи: онъ ободрялъ его, снабжалъ русскими книгами и изданіями, являлся посредникомъ въ оказаніи ему матеріальной поддержки, помогалъ ему самъ.

Знакомство Шафарика съ русскими и сближеніе началось со времени посѣщенія его въ Новомъ Садѣ Кеппеномъ въ 1822 году. Шафарикъ въ ту пору чрезвычайно интересовался всѣмъ, что печаталось въ Россіи, съ большимъ трудомъ и часто непосильными затратами добывалъ русскія книги, обходившіяся очень дорого, выписывалъ совмѣстно съ другими русскіе газеты и журналы. Переписка его съ Колларомъ и Гамульякомъ въ это время переполнена разными соображеніями о подпискѣ на русскія изданія.

Со времени путешествія Кеппена возникаетъ предположеніе о приглашеніи Шафарика въ Россію. Вернувшись изъ путешествія по славянскимъ странамъ, Кеппенъ явился посредникомъ между учеными славянами, особенно чехами, и министромъ народнаго просвѣщенія, извѣстнымъ славянолюбомъ, Шишковымъ. Въ Россіи, въ высшихъ кругахъ, возникаетъ серьезный интересъ къ славянству и получаетъ правильное выраженіе. Когда задумывалась реформа организаціи школь-

наго дѣла въ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ предполагалось преобразовать университеты, возникла мысль объ учрежденіи особыхъ кафедръ по исторіи славянскихъ литературъ, и Кеппенъ писалъ Ганкѣ о планѣ пригласить на эти кафедры чеховъ: Ганку, Шафарика и Палацкаго (впоследствии Палацкаго предполагалось замѣнить Челяковскимъ). Шафарикъ былъ намѣченъ для Москвы, по указанію Ганки, пользовавшагося въ то время большимъ довѣріемъ со стороны вліятельныхъ у насъ лицъ. Это происходило въ 1826 году. Хотя дѣло на этотъ разъ не состоялось, но мысль о приглашеніи чешскихъ ученыхъ въ Россію не заглохла ¹⁾.

Въ 1829 году Шишковъ, оставшись послѣ передачи министерскаго поста князю Ливену только президентомъ Россійской Академіи, задумалъ учредить изъ Академіи славянскую бібліотеку, въ которой были бы собраны памятники и литературныя произведенія по всеѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ и вообще всеѣ книги, относящіяся къ славяновѣдѣнію и пригласить въ Россію славянскихъ ученыхъ, на которыхъ предполагалось возложить обязанность составить общій словарь славянскихъ нарѣчій и вмѣстѣ съ тѣмъ быть хранителями славянской бібліотеки. Въ числѣ другихъ предположено было пригласить Шафарика съ окладомъ въ 4.000 руб., а на славянскую бібліотеку опредѣлялся расходъ отъ 30 до 40 тысячъ руб. Это предположеніе Шишкова было встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ и въ Россійской Академіи и въ Комитетѣ министровъ. Въ началѣ 1830 года предложеніе о вызовѣ въ Россію Шафарика, Ганки и Челяковскаго было одобрено государемъ Николаемъ Павловичемъ. Но и на этотъ разъ дѣло не состоялось. Шафарикъ, получивъ приглашеніе, выразилъ согласіе, но просилъ отерочки, чтобы окончить свои начатыя ученныя работы, а также въ виду болѣзненнаго состоянія жены, которой могъ повредить сѣверный климатъ. Дѣло пріѣзда славянскихъ ученыхъ въ Петербургъ замедлилось по разнымъ причинамъ и потомъ было отложено. Предполагалось сначала выработать обширный планъ всеславянскаго словаря, а затѣмъ уже вызвать Шафарика, Ганку и Челяковскаго. Шишковъ сообщилъ Шафарику, что онъ пока можетъ пользоваться временемъ для окончанія начатыхъ работъ, а Шафарикъ именно тогда усердно подбиралъ матеріалъ для

---

¹⁾ Исторію и ходъ дѣла можно найти въ интересномъ трудѣ проф. Одесскаго университета А. А. Кочубинскаго: „Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія“, Одесса, 1887—1888.

своихъ „Древностей“, дѣлалъ выписки, разбиралъ памятники и тексты, подвергалъ критикѣ данныя. Поэтому онъ спокойно оставался въ Новомъ Садѣ и готовился къ будущей дѣятельности въ Петербургѣ, считая себя какъ бы во временномъ отпуску отъ службы въ Россійской Академіи. Когда же въ 1832 году Шафарикъ написалъ Шишкову, что послѣдній срокъ своего прибытія въ Петербургъ онъ опредѣляетъ весною 1833 года, то получилъ отъ секретаря Россійской Академіи Соколова отвѣтъ, въ которомъ выражалось мнѣніе, что, быть можетъ, ему удобнѣе остаться для своихъ работъ еще нѣсколько лѣтъ въ Новомъ Садѣ. Такимъ образомъ, и на этотъ разъ переѣздъ Шафарика въ Россію не состоялся. Быть можетъ, виною видимаго охлажденія къ мысли объ учрежденіи славянской бібліотеки при Россійской Академіи и вообще къ плану Шишкова былъ разнравившійся мятежъ поляковъ...

Приглашеніе Шафарика въ Россію было сдѣлано еще разъ почителемъ Московскаго округа и университета графомъ Строгановымъ, при участіи и посредничествѣ М. П. Погодина. Когда былъ выработанъ новый уставъ университетскій 1835 года и учреждена кафедра славянскихъ нарѣчій, графъ Строгановъ, по указанію Погодина, намѣтилъ на эту кафедру Шафарика. Приглашеніе было ему послано въ февралѣ 1836 года, но на этотъ разъ Шафарикъ прямо отказался отъ переѣзда въ Москву. Шафарикъ въ это время страдалъ ревматизмомъ, а его жена, сербка, была женщина болѣзненная и слабая. Часто хворала, и онъ опасался развитія чахотки. Удерживало его отъ принятія московской кафедры и то, что онъ не могъ говорить и писать по-русски. „Мой родной языкъ—чешскій“, писалъ онъ Погодину, послѣ полученія приглашенія въ Москву; „то, что я теоретически знаю славянскія нарѣчія, недостаточно, чтобы я могъ примѣнить къ практикѣ свои свѣдѣнія въ Москвѣ. Я уже не молодъ, и мнѣ изученіе языковъ дается столь трудно, что я не надѣюсь имѣть возможность выступить въ Россіи, какъ учитель и писатель на русскомъ языкѣ, а показаться чужимъ, *нѣмцемъ*,—я бы рѣшительно никакъ не желалъ“. На эту новую кафедру готовился Осипъ Максимовичъ Бодянский, державшій 10-го октября 1836 года экзаменъ на степень магистра „преимущественно по предмету исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій“, какъ сказано было въ его прошеніи о допущеніи къ магистерскому экзамену, и 31-го мая 1837 года защищавшій свою магистерскую диссертацию: „О народной поэзіи славянскихъ племенъ“.

Связи и сношенія Шафарика съ русскими стали особенно прочны и разнообразны съ 1835 г., когда Погодинъ посѣтилъ его въ Прагѣ и вступилъ съ нимъ въ самыя искреннія, самыя дружескія отношенія ¹⁾. Интересно замѣтить, что первую помощь для начала печатанія своихъ „Славянскихъ Древностей“ Шафарикъ получилъ отъ Погодина, который послалъ ему 500 руб., собранныхъ между друзьями въ Москвѣ. Шафарикъ не просилъ о пособіи отъ своихъ русскихъ друзей,—онъ желалъ отъ нихъ только книгъ и облегченія литературныхъ сношеній; но Погодинъ, Грановскій, познакомившійся съ Шафарикомъ въ 1837 г., Бодянский и др. хорошо знали крайне тяжелое въ матеріальномъ отношеніи положеніе великаго ученаго славянина и сами отзывались на его нужду. Лишь благодаря московскому пособію, Шафарикъ могъ ускорить печатаніе „Славянскихъ Древностей“, какъ онъ писалъ Погодину въ маѣ 1836 года.

Не безучастно относились къ Шафарику и его трудамъ Россійская Академія и министерство народнаго просвѣщенія. Большое содѣйствіе этому оказалъ Погодинъ, который велъ очень оживленную переписку съ Бодянскимъ во время пребыванія Бодянского въ Прагѣ. Въ своихъ письмахъ Бодянский писалъ о Шафарикѣ съ чрезвычайнымъ уваженіемъ, даже благоговѣніемъ къ его учености, труду и добротѣ. Лишь только вышли „Древности“, Бодянский сталъ переводить ихъ, и первая часть ихъ вышла по-русски въ 1838 г., хотя весьма неисправно. Продолжать печатаніе перевода Погодинъ принужденъ былъ отказаться, за недостаткомъ средствъ для этого. Погодинъ не разъ помогалъ Шафарику. Такъ, 24-го марта 1838 г. Бодянский пишетъ Погодину: „Шафарикъ чрезвычайно благодаренъ вамъ за вексель: безъ него я не знаю, что бы онъ дѣлалъ въ теперешнемъ своемъ слишкомъ критическомъ положеніи“. Когда вышла первая часть „Славянскихъ Древностей“, Россійская Академія, по письму Кеппена, наградила Шафарика золотою медалью средней величины и подписалась на экземпляръ „Древностей“. Скромный Шафарикъ въ письмѣ къ Погодину искренно заявляетъ, что такое отличіе превосходитъ его заслуги, но онъ принужденъ былъ тотчасъ продать эту медаль для покрытія своихъ настоятельныхъ нуждъ.

Посѣтивъ Шафарика въ Прагѣ въ 1835 г., Погодинъ видѣлъ

---

¹⁾ Эти сношенія и связи Шафарика съ Погодинимъ обстоятельно изложены въ почтенномъ трудѣ Н. П. Барсукова: „Жизнь и труды М. П. Погодина“ особенно въ томахъ 4, 5, 7.

неприглядную обстановку, въ которой онъ работалъ надъ своими монументальными произведеніями. Вотъ какъ Погодинъ описалъ эту обстановку: „Тѣсная рабочая комната уставлена полками съ книгами: по срединѣ столъ, покрытый бумагами. Подлѣ двѣ еще меньшія комнатки для семейства, которое составляютъ: жена, словенка родомъ изъ Венгріи, теща и четверо дѣтей. Ходъ въ комнаты мимо кухни. Весь доходъ его отъ литературныхъ трудовъ простирается не свыше двухъ тысячъ рублей“ (ассигнаціями, то-есть, около 570 руб.). „Здѣсь то живетъ и съ такими-то малыми средствами дѣйствуетъ великій мужъ, одинъ изъ первыхъ представителей миллионнаго народа, пекущійся о судьбѣ его на будущія времена, безъ его вѣдома, не только безъ благодарности, безъ славы, признаваемый вполнѣ, можетъ быть, десятью-двадцатью человѣками во всей Европѣ, работающій до упаду отъ утра до вечера надъ сими тяжелыми, изнурительными сочиненіями, коихъ никто почти не покупаетъ, не читаетъ, не знаетъ. О, какъ ничтожными показались мнѣ всякіе нелѣпные проекты и мечтанія. И неужели въ славянскихъ земляхъ, неужели на Святой Руси не найдется такихъ богачей, которые бы удѣлили хоть по крохотной частицѣ отъ своихъ сокровищъ для содѣйствія ученымъ трудамъ Шафарика, не для его пользы, но для пользы всѣхъ славянскихъ племенъ нынѣ, присно и во вѣки вѣковъ? Какой драгоценный случай сдѣлать добро, вѣковѣчное добро, посредствомъ пожертвованій, самыхъ маловажныхъ или ничтожныхъ. Шафарикъ не приметъ ихъ, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но развѣ нѣтъ тысячи средствъ устроить это такъ, чтобы онъ самъ ничего о томъ и не провѣдалъ; скупить экземпляры его изданій, прислать отъ имени неизвѣстнаго, взять на свой счетъ издержки по тому или другому ученому предпріятію, предложить какойнибудь новый трудъ“... Столь деликатно понималъ Погодинъ отношенія и помощь Шафарику. Быть можетъ, онъ тогда же помогъ Шафарику, такъ какъ въ бумагахъ Погодина найдена квитанція Шафарика въ полученіи отъ него 500 гульденовъ, съ обязательствомъ прислать въ Москву соответственное количество экземпляровъ своей „исторіи славянъ на чешскомъ и нѣмецкомъ языкахъ“ (разумѣются „Древности“, которыя готовилъ Шафарикъ къ печати). Росписка эта датирована 14-мъ сентября 1835 г. ¹⁾), вскорѣ послѣ отъѣзда Погодина изъ Праги.

¹⁾ Н. Поповъ. Письма къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель, стр. 146.

Чрезвычайно мѣткую характеристику Шафарика сдѣлалъ тогда же Погодинъ, передавая сущность первыхъ своихъ бесѣдъ съ нимъ. „Сохранить языкъ въ устахъ народа—вотъ наше предназначеніе, и больше ничего. Ни о чемъ другомъ мы не должны заботиться. Это не наше дѣло. Да будетъ, что угодно Богу,—сказалъ Шафарикъ, и началъ развивать предѣльную исторію судебъ славянскихъ, прошедшихъ и настоящихъ; рѣчь его текла спокойной, величественной струей. Сознаніе достоинствъ своего народа, горячая любовь къ нему, убѣжденіе въ великомъ предназначеніи, какое-то священное терпѣніе, не позволяющее ни жалобы, ни ропота, пламенная вѣра въ Бога,—вотъ чѣмъ было проникнуто всякое его слово. Я увидѣлъ ясно различіе между пылкимъ, стремительнымъ юношей, который думаетъ только о завтрашнемъ днѣ, и опытнымъ мужемъ, считающимъ вѣками; я увидѣлъ различіе между постояннымъ убѣжденіемъ, зрѣлымъ плодомъ долготѣянаго размышленія, и мгновеннымъ порывомъ; я понялъ, что значить зависѣть отъ минуты и господствовать надъ временемъ. Какая высокая рѣчь! Ни одного имени, ни одного лица не упомянулъ Шафарикъ; только племена, народы занимали его. Онъ не удостоивалъ почти вниманіемъ ежедневныхъ происшествій и говорилъ о вѣковѣчныхъ послѣдствіяхъ. Что за величественное спокойствіе! Увѣренность въ святости дѣла, въ высокости своего призванія, изображалась на его лицѣ, слышалась въ звукахъ его голоса. Я внималъ великому мужу, не смѣя дохнуть, опасаясь проронить одно слово, смотрѣлъ на него съ благоговѣніемъ. Казалось, что я слышу голосъ съ того свѣта, что предо мною стоитъ мужъ временъ апостольскихъ“¹⁾.

Столь восторженно отзывался Погодинъ о Шафарикѣ! Это глубокое впечатлѣніе, произведенное Шафарикомъ на Погодина, не потеряло своей силы до конца жизни великаго чешскаго ученаго. Шафарикъ заботливо и участливо относился къ молодымъ русскимъ ученымъ, пріѣзжавшимъ въ Прагу, и на нихъ онъ производилъ такое же сильное впечатлѣніе своею ученостью, трудолюбіемъ и доброю внимательностью. „Шафарикъ для меня,—писалъ Бодянский въ 1838 году,—цѣлая Академія; ему я болѣе всѣхъ обязанъ и сомнѣваюсь, чтобы ктонибудь могъ мнѣ такъ пригодиться, какъ онъ... Шафарикъ равно силенъ и какъ дома во всѣхъ частяхъ славянщины; это цѣлая бібліотека, живая энциклопедія всѣхъ свѣдѣній о славянахъ. Это каж-

¹⁾ Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. IV, стр. 814 и слѣд.

дый день имѣю я случай замѣчать, и когда подумаю, чего это стоило ему при такихъ крутыхъ его обстоятельствахъ, недостаткахъ и препятствіяхъ, невольно изумляюсь“. Бодянский нѣсколько разъ въ своихъ письмахъ къ Погодину выражаетъ желаніе, чтобы была оказана поддержка Шафарику въ его трудныхъ обстоятельствахъ за его помощь въ занятіяхъ молодымъ русскимъ славистамъ. Въ своемъ отчетѣ въ 1838 году министру С. С. Уварову Бодянский упоминаетъ о „безмездныхъ услугахъ“ Шафарика. „Въ немъ нашелъ я больше, нежели надѣялся, нежели воображалъ себѣ. Онъ былъ для меня живою славянскою энциклопедіею“, прибавлялъ Бодянский. Вскорѣ воспользовались услугами Шафарика и другіе первые русскіе слависты—профессора: Срезневскій и Прейсъ. Какъ увидимъ, голосъ Бодянского былъ услышанъ графомъ Уваровымъ. Грановскій, посѣтившій Прагу и Шафарика въ 1838 году, былъ пораженъ глубиною знаній Шафарика и въ то же время его бѣдностью. Возвратившись въ Москву, онъ хлопоталъ—было устроить общество, которое обязалось бы посылать Шафарику ежегодное пособіе въ тысячу рублей, но при томъ такъ, чтобы не оскорбить деликатное чувство великаго ученаго. Вигель писалъ Погодину въ 1838 году, что князь Одоевскій собираетъ сумму въ Петербургѣ въ пользу Шафарика, и что самъ Вигель уже собралъ „сотни двѣ“.

С. М. Соловьевъ познакомился съ Шафарикомъ въ 1843 году въ Прагѣ и писалъ Погодину по этому поводу: „Шафарикъ въ разговорѣ со мною упомянулъ о необходимости краткой *всеславянской* исторіи, и мнѣ тотчасъ пришло въ голову, не близокъ-ли я къ этому труду прошлогодними моими занятіями?.. Прага нужна для Москвы, а Москва для Праги, и оба города—два ока міру словенскому“. Такъ въ ту пору у насъ смотрѣли на Прагу, быть можетъ, главнымъ образомъ благодаря уваженію къ Шафарику и признанію его ученой славы, а также популярности Ганки между русскими. Это отразилось и въ стихотвореніяхъ Хомякова и Тютчева.

Бодянский, готовясь занять кафедру славянскихъ нарѣчій въ Москвѣ, думалъ о необходимости составить славянскую бібліотеку для университета. Онъ нѣсколько разъ писалъ Погодину объ этомъ, указывая, что при совѣтѣ и указаніяхъ Шафарика было бы легко приобрести дешево нужныя книги, если бы университетъ ассигновалъ на это нѣкоторую сумму. Неизвѣстно, отозвался-ли Московскій университетъ на это предложеніе будущаго своего профессора, но въ 1843 году отъ Бодянскаго было куплено собраніе славянскихъ книгъ (1906

экземпляровъ) для университетской библіотеки. Эта „славянская библіотека Бодянскаго“ положила основаніе книжному богатству по славистикѣ въ Московскомъ университетѣ. Приобрѣтена была она за 3,142 рубля 85¹/₂ копѣекъ серебромъ, пожертвованные для этой цѣли почетнымъ смотрителемъ Бронницкаго уѣзднаго училища Шелопутинымъ, чрезъ посредство попечителя графа Строганова, близко принимавшаго къ сердцу судьбы новооснованной каѳедры.

Вообще Москва въ ту пору въ высшихъ кругахъ весьма внимательно относилась къ славянскимъ дѣламъ и радушно принимала славянъ, пріѣзжавшихъ въ „матушку Москву“. По словамъ Шевырева, московскій генералъ-губернаторъ, всемогущій въ свое время князь Д. В. Голицынъ, „много сочувствовалъ возрожденію славянскаго народосознанія“, интересовался славянами, разспрашивалъ Бодянскаго о трудахъ Шафарика, гостепримно принималъ пріѣзжавшихъ въ Москву болгаръ и сербовъ, мечталъ о путешествіи по югославянскимъ странамъ, намѣревался побывать въ Черногоріи и Прагѣ. Извѣстно, что въ 1840 году хорватскому дѣятелю Людевиту Гаю, съ именемъ котораго неразрывно связано возрожденіе юго-славянъ, называемое „иллирскимъ движеніемъ“, была оказана значительная помощь въ Москвѣ, благодаря М. П. Погодину и сочувствію князя Д. В. Голицына.

Интересъ Москвы къ славянамъ и забота о славянской наукѣ раздѣлялись въ извѣстной степени и въ Петербургѣ. Но тамъ интересовались славянскими дѣлами только нѣкоторыя высшія лица и Россійская Академія, — въ общественные круги этотъ интересъ не переходилъ. На ученую дѣятельность Шафарика было обращено вниманіе нѣкоторыхъ высшихъ лицъ, особенно графа Уварова, и имя и значеніе Шафарика въ славянской наукѣ стало извѣстно самому государю Николаю Павловичу. Побуждаемый, вѣроятно, Погодинымъ и „отчетами“ Бодянскаго, графъ С. С. Уваровъ, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, обратился къ Государю съ всеподданнѣйшею запискою объ оказаніи пособія Шафарикау и Ганкѣ. Содержаніе этой записки, одобренной Государемъ, отлично характеризуетъ тогдашнее настроеніе и взгляды. Вотъ эта записка графа Уварова, помѣченная 9-го декабря 1838 года:

„Путешествія молодыхъ нашихъ ученыхъ, отправленныхъ въ славянскія земли, кромѣ положительныхъ результатовъ для славянской филологіи, доставили мнѣ ближайшія свѣдѣнія о настоящемъ положеніи славянскаго міра, о движеніи тамъ умовъ и словесности, о до-

машинныхъ такъ-сказать, дѣлахъ славянскихъ литераторовъ, и я невольно сдѣлался какъ бы повѣреннымъ ихъ тайныхъ чувствованій и желаній. Развѣтіе возрождающейся словесности славянскихъ племенъ сопровождается тамъ не менѣе замѣчательнымъ усиленіемъ привязанности и стремленія къ соплеменной Россіи. При перемогающемъ вліяніи германской жизни, постепенное исчезаніе національности славянской заставляетъ дорожить всѣми еще уцѣлѣвшими памятниками роднаго языка и славянской старины, открывать, объяснять и обрабатывать ихъ; но хладнокровное отчужденіе германскихъ правительствъ обращаетъ умы и сердца къ Россіи, гдѣ славяне надѣются найти утѣнительное сочувствіе и вѣрное содѣйствіе. Въ Россіи видятъ они единственную представительницу самобытности славянской; въ правительствѣ рускомъ — могущественнаго блюстителя славянской народности. Отсюда пронстекаетъ въ тѣхъ странахъ повсемѣстная, сильная любовь къ Россіи и къ русскимъ, хотя, конечно, нельзя отрицать совершенно между славянами и нѣкотораго противодѣйствія партіи враждебной Россіи. Впрочемъ, обѣ эти партіи, по причинамъ очень понятнымъ, заключаются собственно въ предѣлахъ словесности и вовсе не переступаютъ въ область политическую.

Привязанность къ Россіи всего сильнѣе и замѣтнѣе между чехами въ Богеміи и венгерскими сербами въ Кроаціи и Славоніи. Изъ чешскихъ литераторовъ двое въ особенности, Шафарикъ и Ганка, достойны вниманія по ученымъ своимъ трудамъ, по услугамъ, которыя они оказали многимъ русскимъ, наконецъ, по бѣдному ихъ состоянію.

II. Шафарикъ—глава чешскихъ литераторовъ—соединяетъ ученость свѣрныхъ германцевъ съ обширнымъ и основательнымъ познаніемъ литературъ и исторіи всѣхъ вѣтвей славянскаго племени. Ученый свѣтъ обязанъ ему разысканіями о происхожденіи славянъ и исторіей славянскихъ литературъ; теперь онъ приводитъ къ окончанію самое важное изъ своихъ твореній: „Славянскія Древности“, котораго первый томъ уже напечатанъ. Сверхъ того онъ готовитъ къ изданію географію славянскихъ нарѣчій, съ картами; Душановы законы, новое изданіе Суда Любушина, съ учеными поясненіями. Шафарикъ представляетъ рѣдкій примѣръ дѣятельности, неутомимости, терпѣнія и борьбы съ судьбой, слишкомъ къ нему неблагоприятною. Страдая самъ тяжкими недугами, обремененный большимъ семействомъ, онъ терпитъ недостатокъ въ нужнѣйшихъ жизненныхъ потребностяхъ; все его достойное составляетъ скудное жалованье по

званію цензора. Сочиненія его по самому предмету своему и по ограниченному числу покупателей въ Германіи, мало помогаютъ ему въ нуждѣ. „Здоровье мое слабѣетъ болѣе и болѣе“, — пишетъ онъ самъ, „а духъ упадаетъ; мнѣ надобно бы ѣхать въ Карлсбадъ, но къ сожалѣнію у меня нѣтъ денегъ и надежды получить ихъ откуда-нибудь“. „Что могли бы доставить „Древности“, то поглощаютъ книгопродавцы“. Не смотря на необходимость убивать много времени на мелочныя занятія, потому только, что они доставляютъ ему кусокъ хлѣба, Шафарикъ показываетъ неизмѣнную, сердечную готовность служить каждому, чѣмъ только можетъ. Кандидатъ Московскаго университета Бодянский и бывший воспитанникъ главнаго педагогическаго института Касторскій, въ продолженіи всего пребыванія своего въ Прагѣ, имѣли въ Шафарикѣ самаго ревностнаго своего руководителя въ ихъ изученіяхъ и добраго наставника касательно жизни въ чужомъ городѣ и государствѣ и притомъ всегда безвозмездно. Шафарикъ очень хорошо знаетъ Россію, приверженъ къ ней и благодаренъ за вниманіе тѣхъ русскихъ, которые въ послѣднее время доставили ему средства съѣздить въ Карлсбадъ.

Другой чешскій ученый, вопреки противодѣйствіямъ враждебныхъ партій, соединявшій всѣ интересы своей жизни съ привязанностью къ Россіи, есть Вячеславъ Ганка, бібліотекаръ Чешскаго музея, извѣстный открытіемъ Краледворской рукописи, которую онъ переведилъ и изъяснялъ. Получая въ годъ 400 флориновъ (около 1.000 р.) ¹⁾ жалованья, онъ долженъ изъ этихъ денегъ содержать свое семейство, и нужда заставляетъ его заниматься переводомъ дѣловыхъ бумагъ, которыя поступаютъ въ судебныя мѣста города Праги на польскомъ и русскомъ языкахъ. Въ послѣднее время съ большими пожертвованіями собралъ онъ древнѣйшіе памятники славянскихъ законодательствъ, ходилъ часто пѣшкомъ по Богеміи, чтобы повѣрить списки въ бібліотекахъ и все это остается въ рукописи по недостатку средствъ къ напечатанію. Онъ приготовилъ къ изданію хронику Далемла, славянскую грамматику и началъ составлять чешско-русскій и русско-чешскій словарь, также сравнительную грамматику славянскихъ нарѣчій. Для русскихъ, посѣщающихъ Прагу, Ганка съ невыразимыхъ усердіемъ и готовностью жертвуетъ временемъ, чтобы показать все, что еще осталось чехамъ драгоцѣннаго. Для бывшаго въ славянскихъ земляхъ воспитанника Главнаго педаго-

¹⁾ Ассигнаціями.

гическаго института Иванишева посвящалъ Ганка каждый день нѣсколько часовъ, сообщая ему обширныя свои свѣдѣнія въ славянскихъ законодательствахъ, языкахъ и древностяхъ, посѣщалъ съ нимъ бібліотеки и архивы и за все это не бралъ никакой платы, говоря, что славяне гостей своихъ угощаютъ даромъ.

Эта безкорыстная привязанность къ Россіи и услуги, оказываемыя по чистому побужденію одноплеменности,—достойны того, чтобы мы радушнымъ участіемъ и пособіемъ поддержали довѣрчивое ожиданіе помощи отъ Россіи. Не говоря уже о видахъ государственныхъ облегченій положенія славянскихъ ученыхъ и литераторовъ, ожививъ дѣятельность ихъ, принесетъ богатые плоды языку и исторіи нашего отечества. Поэтому обратилъ я вниманіе Императорской Россійской Академіи, въ кругъ занятій коей входятъ всѣ вѣтви славянскихъ нарѣчій, на важные для насъ труды Шафарика и Ганки, которые остаются неизданными за недостаткомъ денежныхъ способовъ къ тому у авторовъ, и предложилъ ей доставить пособіе Шафарика и Ганкѣ.

Я надѣюсь, что Академія, изъ имѣющихся у нея суммъ, назначитъ не менѣе трехъ тысячъ каждому. сверхъ того я предполагаю открыть въ Петербургѣ и Москвѣ подписку на полное изданіе русскаго перевода „Славянскихъ Древностей“ Шафарика и снѣмъ способомъ усвоить нашей словесности это важное твореніе, а вырученными за него деньгами сдѣлать пособіе автору. Услуги, оказанныя Шафарикомъ и Ганкою министерству народнаго просвѣщенія усерднымъ содѣйствіемъ молодымъ людямъ, которыхъ министерство отправило въ славянскія земли для усовершенствованія ихъ познаній, налагаетъ на меня обязанность обратить Высочайшее вниманіе Вашего Императорскаго Величества на этихъ достойныхъ славянскихъ ученыхъ и всеподданѣйше представить, неблагоугодно ли будетъ даровать имъ Всемилостивѣйшее пособіе. Щедроты Русскаго Царя, изліянныя на представителей славянской учености на Западѣ, будутъ приняты признательными соплеменниками нашими какъ благодареніе дѣлому народу, еще болѣе укрѣпять благотворныя связи между нами и ими и приобрѣтутъ Россіи новыхъ друзей“.

Россійская Академія, по предложенію графа Уварова, назначила отъ себя по три тысячи руб. асс. Шафарика и Ганкѣ въ пособіе. Государь, согласно представленію графа Уварова, назначилъ прибавить еще по двѣ тысячи руб. каждому изъ суммъ государственнаго казначейства. Графъ Уваровъ въ запискѣ, поданной 17-го декабря 1838 г. по этому случаю Государю пишетъ: „Для устраниенія всякой

гласности я могъ бы, ежели Вашему Императорскому Величеству благоугодно будетъ изъявить на то Высочайшее соизволеніе, отнестись къ министру финансовъ объ отпускѣ сей суммы въ мое распоряженіе на извѣстное Вашему Величеству употребленіе. Для доставленія же оной Шафаріку и Ганкѣ представляется удобный случай въ путешествіи въ славянскія земли профессора Московскаго университета Погодина, который, отправляясь въ началѣ будущаго года за-границу и находясь въ литературныхъ сношеніяхъ съ сими учеными, можетъ доставить имъ щедротами Вашего Величества дарованное пособіе, равно какъ и прочія пожертвованія, безъ обращенія на то особеннаго вниманія со стороны австрійскаго правительства“. Деньги эти, предназначенныя для Шафаріка и Ганки (по 5.000 руб. асс. каждому, то-есть, около 1.430 руб. сер.) были выданы на руки Погодину, который въ 1839 г. и передалъ ихъ въ Прагѣ по назначенію. Когда были получены графомъ Уваровымъ извѣщенія отъ Погодина объ исполненіи порученія и благодарственныя письма отъ Шафаріка и Ганки, графъ Уваровъ представилъ Государю записку объ исполненіи Высочайшаго повелѣнія, которую оканчиваетъ такъ: „по словамъ профессора Погодина, щедроты Вашего Императорскаго Величества дали имъ жизни на два года. Къ сему считаю обязанностью всеподданнѣйше присовокупить, что профессоръ Погодинъ исполнилъ свое порученіе съ должною осмотрительностью и можно полагать, что оно не сдѣлалось никому извѣстнымъ и не возбудило вниманіе австрійскаго правительства“. Такая забота о томъ, чтобы не сдѣлалась извѣстною помощь Россіи Шафаріку и Ганкѣ, была необходима не столько для предохраненія русской дипломатіи отъ лишннихъ объясненій, сколько для предохраненія отъ неприяностей и полицейскихъ преслѣдованій тѣхъ, кому она оказывалась, ибо меттерниховская политика искусно умѣла объяснять всякое выдающееся явленіе въ славянскомъ мірѣ поднимающею голову „революціей“, и умственному и культурному славянству давалось имя „панславизма“¹⁾. *Панславизмъ и революція* представлялись

---

1) Самъ Шафарикъ боялся разглашенія этой русской помощи. Вотъ что онъ писалъ Мацѣевскому въ февралѣ 1839 г.: „Михаилъ Петровичъ былъ здѣсь... Недавно, говорятъ, въ какомъ-то заграничномъ памфлетѣ было сказано, будто бы здѣсь у насъ нѣсколько писателей находятся на жалованіи у сѣверинъ и работаютъ въ ихъ планахъ! Ваше благородство и осторожность для меня поручую

однозначными для Меттерниха, и этотъ взглядъ австрійская политика умѣла въ извѣстной степени навязать и Нессельроде. Своими искусными приемами Меттернихъ умѣлъ заставлять русскую дипломатію иногда дѣлать то, что прямо вредило Россіи, наносило ущербъ ея достоинству въ глазахъ славянъ, заставлялъ даже нѣкоторыхъ истинно русскихъ людей — дипломатовъ смотрѣть на дѣла славянъ австрійскими глазами... Какъ охотно и скоро былъ наказанъ Челяковскій за безтактность сужденія о польско-русскихъ отношеніяхъ послѣ польскаго возстанія 1831 г. въ чешской газетѣ, имъ редактируемой! Его лишили мѣста учителя, редакціи и рѣшительно всякихъ средствъ, и старались съ особеннымъ удареніемъ выставить на видъ, что это все сдѣлано по требованію Россіи. Нужно помнить, что Челяковскій смылъ большимъ руссофиломъ, что онъ доказалъ свое основательное знаніе русской народной поэзіи, что онъ былъ въ числѣ тѣхъ трехъ ученыхъ чеховъ, которыхъ предполагалось вызвать въ Россію.

Кто знаетъ, какъ бы объяснили въ Австріи денежную помощь Россіи Шафаріку, еслибы о ней узнали? Вѣдь, напримѣръ, самое возникновеніе иллирскаго литературнаго движенія у хорватовъ мадыро-австрійскіе историки приписываютъ понынѣ влиянію какого то неизвѣстнаго русскаго путешественника по славянскому югу и „русскому рублю“, хотя никакого русскаго путешественника, интересовавшагося хорватами, не было въ ту пору, когда зарождался „иллиризмъ“, а матеріальная помощь была оказана, при томъ сравнительно небольшая, для столь сложнаго предпріятія, какъ объединеніе юго-славянъ въ литературномъ и культурномъ отношеніи, значительно позже, когда иллирское движеніе приняло уже широкіе размѣры, именно въ 1840 г. во время пріѣзда Гая въ Россію, да и шла эта помощь изъ частныхъ средствъ московскихъ патріотовъ, безъ всякаго участія Петербурга и русскаго правительства.

Гр. Уваровъ и въ послѣдствіи не терялъ изъ виду дѣятельности Шафаріка и старался ему помочь. Когда Шафарікъ приготовилъ

въ томъ, что то, что сообщилъ вамъ Михаилъ Петровичъ о помощи къ дальнѣйшему изданію „Древностей“ и другихъ мною приготовляемыхъ сочиненій, останется при васъ однихъ. Я бы не хотѣлъ, чтобы злые люди получили бы и это орудіе противъ меня. Науки и знанія сами по себѣ—моя цѣль; мое самое горячее желаніе посвятить имъ жизнь въ тиши и безъ шума“. (Slov. Sbornik, за 1887 г., вып. 1, стр. 46).

свою „Славянскую Народопись“ и этнографическую карту славянскаго міра, Уваровъ 18-го іюня 1842 г. послалъ вице-президенту Академіи Наукъ слѣдующее отношеніе:

„Извѣстный ученый богемскій Шафарикъ составилъ карту, изображающую нынѣшнее разселеніе славянъ по Европѣ. Изданіе сіе, столь важное для славянской этнографіи и исторіи, не выпущено доселѣ авторомъ въ свѣтъ, по недостатку въ денежныхъ средствахъ къ напечатанію.

„Принимая въ уваженіе пользу сего изданія и признавая, что словесное отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ имѣетъ справедливыи поводъ оказать содѣйствіе къ выходу онаго въ свѣтъ, я на основаніи § 30 положенія о семъ отдѣленіи, покорнѣйше прошу ваше сіятельство предложить комитету правленія сдѣлать распоряженіе о доставленіи г. Шафарику на вышеозначенный предметъ пятьсотъ рублей серебромъ изъ суммы, назначенной по штату втораго отдѣленія на пособія ученымъ славянистамъ. Доставленіе сихъ денегъ можетъ быть возложено на члена втораго отдѣленія, профессора московскаго университета Погодина, отправляющагося нынѣ въ чужіе краи“. Это предложеніе графа Уварова было исполнено.

Такое отношеніе русскихъ и русскаго правительства къ Шафарику и его ученой дѣятельности несомнѣнно оказало большое вліяніе не только на укрѣпленіе тѣхъ связей между Россіей и славянами, которыя имѣли, имѣютъ и будутъ имѣть значеніе въ жизни Россіи, но и установило впервые сношенія съ западнымъ славянствомъ. Государственныя задачи Россіи выдвигали на первый планъ значеніе православныхъ юго-славянъ и наши сношенія и связи съ сербами и болгарами, можно сказать, никогда не прерывались, но лишь различно выражались. Связи и знакомство съ западными славянами, особенно съ чехами—мы не говоримъ здѣсь о полякахъ, исторія которыхъ тѣсно переплетена съ исторіей Россіи—собственно начались со времени Петра Великаго, который даже посылалъ русскихъ людей учиться въ Чехію и переводить полезныя книги на русскій языкъ, выписывалъ оттуда всякаго рода искусныхъ людей и т. д. Но лишь со времени Шафарика начинается та наша связь съ чехами, которая особенно важна въ культурномъ отношеніи. Многія сочиненія Шафарика были въ свое время переведены на русскій языкъ, и его мнѣнія побуждали къ новымъ разысканіямъ и изслѣдованіямъ. Первые профессора славистики въ русскихъ университетахъ были вѣрными

учениками Шафарика и знакомили русскую молодежь со славянством по его трудамъ. Бодянский держался въ своихъ лекціяхъ Шафарика и даже нынѣшнее преподаваніе славянскихъ нарѣчій въ университетахъ болѣе или менѣе придерживается того плана, который можно было вывести изъ трудовъ Шафарика. Такимъ образомъ, вліяніе Шафарика сказалось на ходѣ русскаго просвѣщенія и ростѣ славяно-русскаго самосознанія въ Россіи, на выясненіи роли нашего отечества въ славянскомъ вопросѣ и значеніи этого вопроса для самой Россіи.

Еще болѣе важное и рѣшительное вліяніе имѣли труды Шафарика на другихъ славянъ, особенно южныхъ. Связи его съ славянскими учеными и дѣятелями вообще были очень распространены и историкъ славянъ и ихъ воскрешенія найдетъ въ нихъ обильный матеріалъ для выясненія многихъ вопросовъ.

Въ наше время сомнѣній, колебаній и даже своеобразнаго отрицательнаго отношенія къ славянамъ въ русскомъ обществѣ и печати, особенно умѣстно веноминать о такихъ великихъ славянахъ, какимъ былъ Шафарикъ. Не въ силахъ уже никакое отрицательное отношеніе иныхъ русскихъ политическихъ и публицистическихъ лагерей—вычеркнуть славянский вопросъ изъ программы государственныхъ и политическихъ задачъ Россіи въ Европѣ. Но это отрицательное отношеніе основывается, главнымъ образомъ, къ нашему стыду, на маломъ знаніи славянъ, ихъ отношеній, ихъ географіи и исторіи. Наша печать полна нерѣдко удивительныхъ ошибокъ и сужденій, лишь только зайдетъ рѣчь о славянахъ. Вотъ еще недавно появлялись въ газетахъ телеграммы изъ города Жимоны, а это лишь мадьярское, официальное, почти никому неизвѣстное переименованіе городка *Землина* или, по сербскому произношенію, *Земун*, расположеннаго на берегу Дуная, противъ Бѣлграда. Знаніе славянскихъ нарѣчій такъ мало распространено у насъ, что лишь рѣдко попадаются въ ежедневной печати сообщенія о славянскихъ дѣлахъ, заимствованныя изъ славянскихъ газетъ, издающихся на мѣстныхъ нарѣчійхъ. Большинство сообщеній о славянахъ и ихъ дѣлахъ заимствуются изъ нѣмецкихъ и иныхъ источниковъ, часто враждебныхъ славянамъ. Этимъ объясняется часто невѣрное и тенденціозное освѣщеніе различныхъ событій въ славянскомъ мірѣ. Знаніе внутреннихъ отношеній въ той или другой славянской странѣ встрѣчается еще рѣже, и мы привыкаемъ смотрѣть на славянскія дѣла чужими очками, подъ чужой окраскою, даже при-

нимаемъ критическое мѣрило для славянъ не свое, русское, а чужестранное, инородное.

Да напомнить намъ Шафарикъ, его великій подвигъ труда для разьясненія общности славянъ, его связи и сношенія съ лучшими русскими людьми своего времени—о томъ, что русское просвѣщеніе должно быть славянское, и что русскіе люди должны знать и изучать славянство во всѣхъ отношеніяхъ даже ради своей обязанности предъ своимъ государствомъ и народомъ.

П. Кулаковскій.
